

18+

Елена Жаумова

Любовь

в каждой строчке

Победитель онлайн-премии "Писатель года" по версии группы
"Территория Творчества" в социальной сети "ВКонтакте"

Писатель года - 2021

Елена Наумова

**Любовь в каждой строчке.
Писатель года – 2021**

«Издательские решения»

Наумова Е.

Любовь в каждой строчке. Писатель года – 2021 / Е. Наумова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-558618-6

В книгу вошли лучшие рассказы автора. В них — романтика отношений, чувства и эмоции, обострённые до предела, жизненные хитросплетения, яркие, харизматичные персонажи и, конечно же, любовь. Любовь в каждой строчке...

ISBN 978-5-00-558618-6

© Наумова Е.
© Издательские решения

Содержание

Время	7
Победитель	18
Останься	34
Кошкин дом	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Любовь в каждой строчке Писатель года – 2021

Елена Наумова

© Елена Наумова, 2021

ISBN 978-5-0055-8618-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время

Игорь

– Я тебе сказала, что прямо сейчас ты соберёшься, возьмёшь себя в руки и будешь веселиться вместе со всеми! – гневно прошипела Татьяна Сергеевна, пышногрудая дама небольшого роста.

Она занимала должность старшей медсестры в гинекологии. Мы близко не общались, но я, наслышанный о её суровом нраве, подобному тону не сказать чтобы удивился.

Напротив неё стояла красивая молодая женщина. Несмотря на праздник, она была одета в простое скромное платье, распущенные волосы не имели ни намёка на укладку, а поникшие плечи говорили о явно подавленном настроении. Женщина была выше Татьяны на целую голову, но при этом выглядела какой-то маленькой и съёжившейся. Посмотрела куда-то в сторону и отчаянным шепотом выдохнула:

– Не могу, Таня, ты же знаешь. Не-мо-гу.

Она подняла руку и заправила за ухо прядь волос. В глаза бросился крупный циферблат наручных часов. Слишком крупный для женщины.

Я не должен был стать свидетелем этого разговора. Это вышло случайно. Сбежал покурить с шумной вечеринки. От надоевших пьяных лиц и громкой музыки. Наша больница всегда отмечала праздники с размахом, и этот новогодний корпоратив не стал исключением. Тем более после такого долгого перерыва.

Я отступил назад и скрылся в темном коридоре, пока они меня не заметили, а затем вернулся в зал. Тут же меня подхватило людское море, коллеги дёргали за рукава, совали выпивку, на что я только скрипел зубами. Не будешь ведь каждому объяснять...

Наконец добрался до своего места, сел за стол и с раздражением вцепился зубами в мясо. Горячее принесли совсем недавно, и отбивная была на удивление съедобной. Доев, я промокнул рот салфеткой, откинулся на спинку стула и обвёл взглядом зал. Коллеги, измученные работой в пандемию, праздновали во всю. Нетрезвый мужик в костюме Деда Мороза был в центре внимания. Он показывал танцевальные движения, больше напоминающие припадок, а гости повторяли. От чего-то людям это казалось очень смешным.

Я же этой радости не разделял, поскольку лично мне праздновать было нечего. Я бы и вовсе не пошел на эту пьянку, да только заведующих отделениями обязали быть на корпоративе под страхом увольнения. А работа – это единственное, пожалуй, что у меня осталось в этой жизни.

Всеобщее веселье прервалось, музыка стихла, люди стали занимать свои места за столом. В этот момент в зал зашли Таня и та молодая женщина, с которой я её видел в холле. Проводил их взглядом, сели рядом. Интересно, она у нас работает? Если да, то, наверное, совсем недавно. Хотя, больница большая, можно работать вместе и не встретиться никогда. Таня ей что-то говорила на ухо, а она только молчала и теребила ремешок часов. Её грусть, искренняя и неподдельная, не вязалась со всеобщим оживлением.

Краем глаза я заметил, что на сцену вышла музыкальная группа и заиграла популярную мелодию, но спутница Татьяны не отреагировала даже на это. Она вяло ковыряла вилкой в салате, не съев ни кусочка. А когда за её столиком стали чокаются бокалами, просто подняла свой и вымученно улыбнулась соседям.

Во время следующей медленной композиции танцпол стал заполняться гостями. Переводя дух и пропустив по стаканчику, мужчины и женщины разбивались на парочки и покачивались в такт музыке. Композиция была очень красивой, и голос у девочки на сцене казался приятным.

Я глотнул минералки и глянул на незнакомку. Она осталась за столиком одна. И возникла шальная мысль пригласить её на танец. Не скрою, мне было любопытно, кто она и откуда взялась на празднике. Может, удастся её расспросить. К тому же было как-то совсем неправильно, что накануне Нового года она грустит. Хотелось это исправить, хоть и самонадеянно было предполагать, что подобное в моих силах. Я и сам был в похожем состоянии, но тогда вряд ли это осознавал.

Лавируя между танцующими, я продвигался к её столику. Почему-то даже мысли не возникло, что она откажет мне. Сумасбродное, странное, неизвестно откуда взявшееся желание узнать, любопытство и интерес толкали вперёд.

– Потанцуем? – остановился возле её столика и протянул руку.

Она подняла на меня глаза, словно не понимая, о чём я её прошу, а потом, спустя пару секунд, кивнула, поднялась и вложила свою ладонь в мою.

Я довёл её до свободного пространства на танцполе, положил руку на талию, и мы стали покачиваться под музыку.

Она молчала какое-то время, поэтому я спросил первый:

– Как вас зовут? – наклонился к её уху, украшенному аккуратной золотой серёжкой, вдохнул аромат её волос. Пахло цветами и травами. Тонко, этот аромат ей очень шел. Вот уж не думал, что меня когда-то ещё подобное будет волновать.

– Елизавета, – ответила, но тут же поправилась, видимо, решив, что это чересчур официально для новогодней вечеринки, – Лиза, – бесцветным голосом, просто, чтобы не показаться невежливой.

– Игорь. Очень приятно, – изобразил подобие улыбки, а она только сдержанно кивнула.

Не думаю, что ей было так уж неприятно. Скорее всего, дело тут в другом. На вопросы Лиза отвечала лаконично, сдержанно. Нет, у нас в больнице не работает. Да, с Татьяной давние подруги. Да, попала на вечеринку благодаря ей. Ну тут я не был удивлён. Многие приводили с собой на праздник мужей, жён. Это у нас не считалось чем-то предосудительным. Наоборот, приветствовалось. Чем больше людей, тем лучше.

Сама же Лиза ничего не спрашивала, в глаза смотреть избегала, смотрела куда-то за моё плечо невидящим взглядом. А моя так внезапно возникшая решимость сдулась, как воздушный шарик. Я счёл недопустимым лезть человеку в душу, хотя безумно хотелось узнать, почему она носит мужские часы. Мне удалось их рассмотреть вблизи. Внушительная вещь с крупным циферблатом шириной почти с её запястье, крупным винтом подвода и толстым кожаным ремешком. Чьи они? Или это теперь мода такая?

На языке вертелся десяток других вопросов, но вот музыка закончилась и пришлось выпустить Лизу из объятий. Откуда ни возьмись образовалась Татьяна, схватила подругу за руки и повлекла в центр зала под зазвучавшую из динамиков Сердючку. Лиза отнекивалась мотала головой, но сдалась под напором и изобразила, точнее попыталась изобразить, несколько танцевальных движений.

Я же стоял и наблюдал за тем, как она отдаляется, за тем, как красиво движется. Пусть нехотя, но грациозно и изящно. На меня натыкались пары, кто чертыхался и матерился, что стою и мешаю, кто, признав, начинал обниматься и поздравлять с праздником. Я отвечал не глядя, хлопал по плечам, кивал, а сам почему-то не мог оторвать от Лизы взгляд. Она танцевала, а я смотрел, привлечённый её неброской внешностью, скромной красотой, незаметным на первый взгляд благородством и чувством собственного достоинства. Я думал, это давно забытое, я думал, не почувствую такого больше никогда после Насти. Интерес и влечение к женщине...

Я бы так и стоял и думал дурацкие мысли, роящиеся в голове, но тут произошло неожиданное. Лиза подвернула ногу, потеряла равновесие, неловко взмахнула руками и чуть не упала. Если бы не мужик, дрыгающийся под музыку рядом. Он успел её подхватить,

а она наступила на травмированную ногу и поморщилась. Я инстинктивно метнулся к Лизе, а в голове вихрем пронеслись картинки: рентгеновские снимки «дамского» перелома, способы наложения шины и прочее... Профдеформация, мать вашу.

Перехватил Лизу у мужика, подал руку, чтобы оперлась на меня, и довел до ближайшего свободного стула. Музыка тут же стихла, и нас окружили любопытные коллеги. Оторвать бы им носы, да некогда. Я опустил на колени и ощупал травмированную лодыжку. Тонкий капрон мерцал в искусственном свете, через него чувствовалось тепло кожи. Мысль мелькнула лишь на мгновение, но в следующий момент Лиза дёрнулась и вскрикнула. Таня, державшая её за руку, вздрогнула и с сочувствием посмотрела на подругу. Ведущий что-то вякнул в микрофон по поводу того, что сегодня наш зал полон врачей, и поэтому никакой недуг нам не страшен. Юморист, блин.

Несколько докторов из соседнего отделения предложили свою помощь, да только толку от неё было чуть. При ощупывании травмированной области крепитации не было, костные отломки не хрустели, только это, к сожалению, ещё ничего не значило. А рентгеновским зрением из нас, увы, никто не обладал.

– Скорую надо вызывать, – обратился я к Тане.

– Долго ехать будут, – возразила Татьяна Сергеевна. – я вчера с Лариской с 17 подстанции разговаривала, так у них всё время уходит на петарды да фейерверки. А ей больно. Что она, сидеть и ждать будет?

Лиза и вправду сидела бледная и даже, похоже, не слушала, о чём мы говорим.

– Я не пил, за рулём, давай отвезу её в приёмник? Сегодня как раз Серёга дежурит.

– Игорь, век не забуду, – она приложила пухлую ладошку к груди в знак признательности.

Лиза подняла на меня глаза с надеждой и благодарностью. И правда, я не обязан и всё такое. К тому же, кто я ей? Взглянул в её огромные серые глаза, поднялся и решительно проговорил:

– Поехали!

Таня порывалась было с нами, но Лиза её отговорила:

– Не хочу портить тебе праздник, – тихо сказала, и что удивительно, старшая медсестра – гроза всей больницы и отделения гинекологии в частности – послушалась.

– Только обязательно перезвони.

Мужики помогли мне довести Лизу до машины, я пристегнул её, сел за руль, и мы направились в больницу.

В приёмнике, как всегда, было много народу. Люди разной степени трезвости и разной степени адекватности требовали себе врача. Не многие понимали, что дежурный врач один, ну максимум два – один на приёмный покой, другой на отделение – а пациентов много. К хирургу очередь была – полный коридор, а вот у кабинета травматолога, что удивительно, никого.

Заглянул к Серёге, но тот был занят, осматривал бабушку-божий одуванчик. Увидев меня, удивился и, если б я не прикрыл дверь, завалил бы кучей вопросов без промедления.

Лиза всё это время вела себя стоически. Если перелом всё-таки есть, то я представлял себе, какую боль она сейчас испытывает. Сам ломал ногу по молодости. Лиза сложила руки на коленях, прикрыла глаза и немного наклонилась вперёд. Взгляд опять привлекли её часы. Машинально заметил время – без пяти пять. Хотя уже давно перевалило за полночь.

– У вас часы стоят. Надо подвести, – не удержался от замечания.

Она промолчала, будто не услышала.

– Мне очень жаль, что для вас праздник закончился вот так.

– Он для меня и не начинался, – бесцветно проговорила она.

И тут в груди что-то кольнуло. Удивился, что на меня так повлияли слова совершенно незнакомого человека. Я почувствовал, что её состояние – это не просто женские капризы или меланхолия. За этим стоит что-то более глубокое и серьёзное.

В следующий момент дверь кабинета распахнулась, и на пороге, выпустив вначале в коридор шаркающую ногами бабушку, появился Сергей Василич собственной персоной. Приятель поприветствовал меня зычным басом и протянул широкую ладонь для рукопожатия.

– Ты чего здесь делаешь, дорогой? Ты должен сейчас пить, есть и веселиться!

– Да клиента тебе привёл, – указал рукой на Лизу, – а то вдруг, думаю, заскучаешь?

Серёга посмотрел на пациентку, потом на меня, потом опять на неё, очень хотел похабно пошутить – я прям видел в нём это желание – но сдержался. Вместо этого отступил в сторону и сделал приглашающий жест.

– Пррошу! – раскатисто проговорил, и Лиза, опираясь на мою руку, последовала за ним.

Заполняя документы, Серёга задавал стандартные вопросы – место жительства, перенесённые травмы, операции, – а я подмечал непроизвольно мелкие детали, прислушивался и запоминал. Ни с того ни с сего это оказалось важным для меня. Василич повертел в руках её паспорт, пролистал странички, хмыкнул, затем вернул Лизе и хлопнул ладонями по коленям.

– Ну что ж, Елизавета Даниловна, давайте вас осмотрим.

Подошел к Лизе, наклонился и ощупал её лодыжку. И несмотря на то, что жест был сугубо профессиональный, и никаких намёков на что-то иное со стороны Серёги не было, мне стало неприятно, что он её касается. Что за...?

– Рентген нужен, – улыбнулся он Лизе, а потом поднял глаза на меня.

Класс! А то мы без тебя не знали! Я кивнул.

– Наташа! – крикнул приятель, и из смежного кабинета показалась заспанная голова медсестры.

– Да, Сергей Василич, – хмуро отозвалась она.

– Левая голеностопная область. Прямая, боковая проекции, – Серёга коротко отдал распоряжение, медсестра подкатила кресло, усадила в него Лизу и увезла на снимок.

Оставшись в кабинете одни, мы с Серёгой молчали какое-то время. Я мерил шагами кабинет, а потом остановился возле окна. Щели между створками деревянной рамы были законопачены ватой, а на стекло криво наклеены снежинки. Усмехнулся, оперся руками на подоконник и стал вглядываться в зимнюю тьму.

– Не думал, что ты на кого-то посмотришь после Насти.

Я крепко зажмурился. Всякий раз это имя отдавалось в душе невыносимой болью.

– Не говори ерунды. Я просто её подвёз. Оказался единственным трезвым в нашей гоп-компании.

Хотя сам понимал, что вовсе это не ерунда. Что-то есть... Только знать бы – что.

– Да-да, подвёз... – Серёга барабанил пальцами по столу.

Он был одним из немногих, с кем я мог об этом поговорить. Настя. Моя первая и единственная любовь и боль. Серёга был свидетелем нашего романа, начавшегося ещё в институте. Поженились, едва получили дипломы. Настя всегда очень хотела ребёнка. Мы пытались, но долго не получалось. И вот долгожданная счастливая новость совпала с объявлением пандемии. Я поселил Настю в старом загородном доме родителей, выписывал ей один липовый больничный за другим. Думал, что спрятал беременную жену от опасного вируса. Наивный идиот. Но видно, от судьбы не уйдёшь. Ночью загорелась проводка. Соседи вызвали пожарных, но было уже слишком поздно. Моя жена и нерождённый ребёнок погибли.

Мне казалось, я сам умру в тот момент, когда мне сообщили эту новость. Мне отчаянно этого хотелось, чтобы быть рядом с ними, с моими родными и любимыми. Одному богу известно, сколько раз я думал, проигрывал в мыслях, как всё сложилось бы, если б она оста-

лась в городе, дома, вместе со мной. Удалось бы тогда уберечь? Удалось бы избежать самого страшного?

Я виноват, я так сильно виноват перед ней. Эта вина грызла меня всё это время. Прошло почти два года, но легче не стало ни капли.

Вначале я прикладывался к бутылке. Главный закрывал на это глаза из сочувствия, из сострадания. А потом позвал на разговор и сказал, что всему есть предел, и, если я не возьму себя в руки, то потеряю должность. Тогда мне было откровенно наплевать. Я слушал его, но не слышал. Работа, должность – какое это теперь имеет значение, когда впору лезть в петлю?

Серёга тогда меня вытащил. Заставил понять, что карьера врача – это то, к чему я шел всю сознательную жизнь, и это то единственное, что у меня осталось.

Я вспомнил, как Настя радовалась, когда меня назначили заведующим отделением, гордилась и хвалила. И я вылез из этой ямы, чудовищными усилиями удалось собрать себя по кусочкам. После визита к наркологу я стал возвращаться к нормальной жизни.

Встреча с Лизой всколыхнула болезненные воспоминания. Удивительно, но она была похожа на Настю. Не внешностью, нет. Настя была маленькой и хрупкой, как куколка. Похожа чем-то едва уловимым – поведением, манерами, плавностью жестов, неспешной речью. Настя, бедная моя, милая моя, любимая моя Настя. За всё время, что мы были вместе, она никогда мне слова поперек не сказала. Но каким-то непостижимым образом, женскими уловками, мудростью ей удавалось сделать, чтобы всё было так, как хочет она. Когда я понимал, что снова пляшу под её дудку, я подхватывал её на руки, обнимал, целовал, называл своей маленькой чертовкой. Она шутливо дулась, а потом заливисто хохотала вместе со мной. Хотя, конечно, я лукавил. Она была моим ангелом, моим светом, всей моей жизнью.

В дверях показались Лиза и медсестра. Лиза выглядела немного получше. Не думаю, что её самочувствие изменилось за такое короткое время. Просто стало легче от осознания, что ситуация находится под контролем. А вот Наташа выглядела очень довольной. Протянула Серёге снимки и не удержалась от комментария:

– Перелома нет!

Я понимал её радость – ещё бы, гипсовать не надо, можно пойти в сестринскую и подремать часок другой.

– Сам вижу, – пробасил Василич. – Ну что ж, Лиза, я вас поздравляю. Тугое бинтование и анальгетики вам в помощь. Я дежурю тридцатого, можете зайти показаться. Наташа, дай-ка нам эластичный бинт.

Девушка, порывшись в шкафу, бросила рулончик через кабинет, а Серёга ловко его поймал.

– Вы полегче в следующий раз, тем более на каблуках, – говорил он, обматывая широкий бинте вокруг сустава.

– Спасибо! – Лиза сдержанно кивнула, но, взглянув на сапоги, не смогла скрыть замешательство. Перебинтованная нога в них теперь не влезала.

Серёга тут же нашел решение проблемы. Достал откуда-то из-под стола огромные сланцы размера эдак сорокового и протянул Лизе.

– Можете не возвращать. Кто-то из дежурентов забыл. Уже несколько месяцев валяются. До машины доковылять, думаю, получится.

– Спасибо, – повторила Лиза и, опершись на меня, покинула кабинет.

Всегда многословный и острый на язык Серёга не ответил, а только задумчиво посмотрел нам в след.

В коридоре Лиза неожиданно остановилась.

– Что случилось? Больно? – я с беспокойством заглянул ей в лицо.

– Игорь, я очень благодарна за заботу, но я вызову такси. Не надо меня провожать. Я в порядке, правда. Я сама. Не надо.

Она высвободила руку и медленно зашагала к выходу. Хромала, но старалась держать спину прямо. Плечи расправлены и подбородок высоко поднят, словно старалась показать всем, что не сломлена даже такими неурядицами и неприятностями. Но я чувствовал обратное. Стоял посреди коридора как пригвожденный, не произнес в ответ ни слова, но внутри бушевал целый шквал эмоций.

Я помог этой женщине, сделал всё, что было в моих силах. И не помог в тот же самый момент. Наша случайная встреча не могла так закончиться. Я чувствовал, оставалась недосказанность как с моей, так и с её стороны. Да, в этом было что-то неправильное и странное, и отпускать её не хотелось. Только я всё равно стоял и смотрел Лизе вслед. Очнулся от мощного хлопка по плечу и Серёгина баса.

– Пойдём кофе выпьем?

За пустым трёпом время прошло незаметно, а опомнились мы, только когда Серёгу в два часа ночи вызвали в приёмник. Домой я решил не ехать, уснул на диване в ординаторской. Снилось Настя. Её звонкий смех-колокольчик. Такая живая и настоящая. Я очень боялся, что с течением времени её образ померкнет в памяти, сотрётся, будто её и не было совсем. Но нет. Каждый раз я видел её очень ясно и чётко, как и не было тех лет без неё.

Хотя я и не дал бы себе забыть. Как маньяк, пересматривал старые фотографии, доставал из кармашков фотоальбома и вглядывался в каждую черту. Эдакая иллюзия, что Настя рядом, вместе со мной.

А на утро меня разбудила громогласная сестра-хозяйка:

– Сергей Василич! – всплыла в ординаторскую, но увидев меня, явно смутилась. – Ох, простите ради бога, я попозже зайду.

Сел на постели и потёр глаза.

– Да ничего страшного, Ирина Леонидовна. Который час? – задал вопрос, но уже сам бросил взгляд на большие настенные часы. Самое время выдвигаться восвояси, чтобы успеть привести себя в порядок и не опоздать на пятиминутку.

Ирина Леонидовна шла какое-то время вместе со мной и эмоционально рассказывала что-то про халаты и новые простыни и пододеяльники, которые ей удалось выбить для отделения, но я слушал вполуха.

Безумно трещала голова. Это несмотря на то, что вчера не выпил ни капли. Видимо, сказала бессонная ночь. Старею, наверно. С ухмылкой вспомнил, как в молодости дежурил вообще бесплатно, лишь бы только набраться опыта, совался на все возможные операции, а потом с утра – на учёбу.

День закрытил в своём водовороте. Привычная суета и рутина – в них я окунался с мазохистским удовольствием. Так появлялся шанс не думать и не вспоминать. Но сегодня из головы не выходила Лиза – немногословная и грустная. И ведь я так и не выяснил – почему. Стоило её проводить, но она в мгновение возвела вокруг себя такую мощную стену, не пробиться. В общем, я не мог объяснить это даже самому себе. А может, это во мне был какой-то внутренний барьер. Чёрт его знает.

Под Новый год мы постарались максимально освободить отделение. Оставили только тех, кто объективно нуждался в круглосуточном присмотре и уходе. Последняя неделя года подходила к концу и выдалась на редкость суматошной. С Серёгой мы виделись только на утренних пятиминутках и едва ли успевали перекинуться парой слов.

Сдав дежурство тридцать первого декабря, я решил заскочить к нему, чтобы поздравить с наступающим праздником. Отмахнулся от медсестёр, которые настойчиво зазывали отметить вместе с ними. Да уж, кто празднику рад, что называется... Серёгу нашел в приемнике, он был ещё в халате, хотя его смена тоже закончилась уже полчаса назад. Приятель что-то искал в ящике стола, когда я вошел.

– О, какие люди! Какими судьбами? – расплылся в улыбке Серёга.

– Поздравить зашёл. Счастья, здоровья и всё такое... Как никак последний раз в этом году видимся.

– Уверен, что не пойдёшь к нам с Маринкой? – посерьёзnel приятель.

Марина работала гинекологом у нас в поликлинике, и они с Серёгой были давно и счастливо женаты. Наблюдать их счастье со стороны было мучительно больно. Наблюдать и осознавать, что у меня такого не будет больше никогда. Я дистанцировался умышленно, чтобы не портить праздник ни себе, ни друзьям.

– Уверен.

Я потоптался на месте ещё какое-то время. Серёга поднялся из-за стола и стал собирать бумаги в стопку, затем вопросительно уставился на меня:

– Всё нормально?

– Да, – я отвёл взгляд на окно. Некоторые снежинки попадали со стекла и валялись на подоконнике.

– Та девушка, Лиза... Она приходила к тебе? – услышал я свой голос со стороны. – Приходила на повторный осмотр?

Не собирался спрашивать, уговаривал себя, что мне не должно быть до этого никакого дела. Но оно было, черт его возьми. Серёга снова бухнулся на стул и махнул мне рукой.

– Присядь-ка. Лиза, значит, – задумчиво пробормотал он. – Нет, она не приходила. А ты как врач интересуешься или...

– Как врач, – перебил его я. Возможно, слишком поспешно. – У тебя в журнале должен быть её адрес. Дай мне, я перепишу.

– Тебе это точно надо? – Серёга с сомнением протянул мне толстую тетрадь.

В его взгляде читалось беспокойство. Эх, если б я сам знал! Но всё же я взял у приятеля журнал, нашел записи недельной давности и чиркнул на стикере нужную мне информацию. Серёга продолжал буравить меня взглядом, на что я быстро проговорил:

– Просто навешу её, удостоверюсь, что она в порядке, и уйду.

– Ну-ну, – только и пробормотал Серёга, но я уже скрылся в коридоре.

Лиза жила в новом районе. В незнакомом квартале я сориентировался не сразу, пришлось порядком поплутать.

Когда проходил мимо дворового киоска, меня окликнул мужской голос:

– Дарагой, заходи, покупай мандарины к празднику! Вкусный, сладкий, без косточка! – зывал к себе пожилой абхаз.

Я остановился и подумал, что с пустыми руками будет правда странно прийти, и последовал за хозяином, преследуя ещё и корыстный мотив. Мужчина взвесил мне и мандаринов, и апельсинов, и яблок, назвав при этом какую-то несусветную цену. Но глупо было ожидать иного в Новый год.

– Скажите, а как мне найти пятнадцатый дом?

Уж он-то должен был знать, раз работает в этом районе. Абхаз усмехнулся в усы и указал направление, а напоследок добавил:

– Щастья тебе в Новом году!

В подъезд я проскользнул вслед за шумной компанией подростков. Когда поднимался на этаж, сердце тревожно стучало, хотя мне почти удалось себя убедить, что я просто навещаю пациентку. Двери лифта открылись, я вышел на площадку и замер в нерешительности напротив нужной двери. А вдруг Лизы вообще нет дома? Но я не узнаю, пока не позвоню.

Елизавета

Я возненавидела этот праздник. Последние два года не отмечала его вовсе. Старалась ни с кем не общаться в этот день и вообще носа из дома старалась не показывать. И сегодня я никого не ждала, поэтому была немало удивлена, когда в дверь коротко позвонили. Подошла настороженно и посмотрела в глазок. Игорь. Врач из Таниной больницы. Странно, что ему у меня делать? Подумала немного и решила открыть, зачем бы он ни пришёл. В конце концов, он очень мне помог и ничего плохого не сделал.

– Здравствуйте, – поприветствовал низким грудным голосом и чуть улыбнулся.

Мама бы назвала его видным. А я? А что, я? Мне было совершенно неважно.

– Вы не пришли на осмотр. Я... – он старался подобрать слова, – беспокоился.

– Не стоило. Я прекрасно себя чувствую, потому и не пришла. Попросила отгулы на работе. Скопились к концу года... – зачем я ему это объясняю?

– Тем не менее, разрешите вас осмотреть.

– Ну хорошо, – одернула платье и пробормотала. – Раздевайтесь, ванна там, а потом проходите в комнату.

Он расстегнул куртку, уже поднёс к крючку, но остановился на полпути. Заметил Мишин пуховик. Да, я не убрала его после... Игорь замер, но его вопрос, вертевшийся на языке, – это чувствовалось, – так и остался не заданным.

Игорь вымыл руки и зашел в комнату. Я его уже ждала, присела на диван. Что ж, пусть осмотрит, если ему так хочется. Мне, по большому счёту, всё равно.

Он опустился передо мной на корточки и коснулся травмированного сустава:

– Так не больно?

– Нет.

– А так?

Я вновь покачала головой. Голеностоп уже давно не беспокоил. Пару дней я действительно не могла ступить на ногу. Проклинала Таню, тот день и час, когда я согласилась на её уговоры, согласилась пойти на этот дурацкий корпоратив. Но бинтование и таблетки – это действительно помогло.

Сейчас меня беспокоило другое. Скорее даже не беспокоило, а озадачивало. Прикосновения Игоря не были мне неприятны. Тогда, на вечеринке, от испуга и боли я мало что понимала, а теперь смогла разобраться со своими эмоциями. Прикосновения Игоря не вызывали отторжения. После Миши я мужчин к себе долго не могла подпустить, хотя желающие были. Любое касание вызывало волну неприязни и раздражения. В этот раз такого не было. Значит ли это, что я предаю тем самым Мишу? Мысль больно хлестнула по нервам. Я зажмурилась и вздрогнула.

– Больно?

«Да! Очень!» – хотелось заорать в ответ, но я опять покачала головой, поднялась на ноги и решительно сказала, избегая встречаться с Игорем взглядом:

– Убедились, что я в порядке? И моему здоровью ничего не угрожает?

– Да, – кивнул он, удивившись моей резкости.

Я не могла его просто так выставить. Ждала, пока он сам поймёт, что пора и честь знать.

– А я принёс вам мандарины. Решил, что к праздничному столу это будет уместно.

Это было неожиданно приятно, только он не мог знать...

– Спасибо, но я не праздную Новый год.

– И не празднуйте, – легко согласился он. – Но мандаринов поешьте. Продавец заверил, что они очень вкусные.

Игорь, не дожидаясь моего согласия, прошел сначала в прихожую за большим пакетом, а потом на кухню. Я же, как на верёвочке, следовала за ним, забыв, что полминуты назад хотела выставить его за дверь.

Игорь выложил фрукты в раковину, помыл и красиво разместил на большом блюде, которое я отыскала в кухонном шкафу.

– Я много купил. Остаток сложу в холодильник, ладно? – он открыл дверцу, вывалил запас в ящик, захлопнул холодильник и замер, уставившись на дверцу.

Я удивилась, что он замешкался, но потом поняла, что прямо перед его глазами сейчас – наша с Мишей фотография, магнитик с юга. Довольные и счастливые, мы смотрим в кадр. На ней я – как будто не я. Та, другая. Не та, что сейчас. Постаревшая на целую жизнь.

Игорь обернулся и серьёзно на меня взглянул:

– Лиза, я должен спросить. Я имею в виду, что должен знать... Куртка в прихожей, мужские принадлежности в ванной, фотография...

Он аккуратно подбирал формулировку, чтобы не показаться навязчивым. Я видела, что его это смущает, и сразу поняла, что он имеет в виду. Пожалуй, так будет лучше. Стоит расставить все точки над «И» прямо сейчас.

– Это мой муж Миша. Он умер от ковида ровно два года назад.

Игорь не стал ахать, охать, извиняться и соболезновать. Но на секунду мне показалось, что в его зрачках я увидела отражение своей боли.

– Я знаю, что странно и даже ненормально хранить его вещи. Таня пыталась их вывезти, хотела отдать в какой-то благотворительный фонд. Я не дала. Так создавалось ощущение, что он жив, он рядом. Сейчас придёт с работы и спросит, что у нас сегодня на ужин.

Я опустила на табурет и стала теревить подол платья, поправила на руке ремешок часов, а Игорь присел напротив. Не знаю, в чём причина. Может, он так к себе расположил, а может, просто сработал «эффект попутчика» – малознакомому человеку легче говорить о сокровенном, – но остановиться я уже не могла.

– Он врач-реаниматолог. Работал в «красной зоне». Пахал как проклятый и... в общем, он заразился сам.

– А как же... – начал было Игорь, но я уже знала, о чём он хочет спросить.

– Вакцина тогда ещё только разрабатывалась... Если бы, господи! Если бы! Вы не представляете себе, сколько я об этом думала. Спасло бы его это? Или всё-таки судьба? Когда он только заболел, я была уверена, что всё обойдётся. Остался в палате прямо после смены, как только пришел результат теста. Я знала, что он сильный, сможет справиться. Но через три дня после первых симптомов Миша попал в реанимацию. Через неделю его не стало. Это было как обухом по голове. Мне казалось, что я орала, узнав об этом, потому что от боли разрывало все внутренности, но в действительности не произнесла ни звука.

Я судорожно вздохнула и снова поправила на руке часы.

– Хоронили его в закрытом гробу, чтобы не допустить распространения инфекции, и мне на мгновение почудилось, что там не он. Что произошло какое-то недоразумение, путаница, и сейчас он войдёт в двери траурного зала, и всё разрешится. Обнимет меня, успокоит, и мы вместе вернёмся домой. Но чудес, к сожалению, не бывает. После праздников я нашла в себе силы сходить в больницу и забрать его личные вещи. В ящике стола в ординаторской был такой бардак. Похоже на него. В вещах оказались и вот эти часы, – я подняла руку, чтобы показать. – Они стояли. Я носила их трём часовщикам, Игорь! Трём! Но найти причину они так и не смогли. Я ношу их с тех пор. Так мне кажется, что он всё ещё рядом.

Отвела взгляд и снова посмотрела на циферблат. Без пяти пять. Примерно в это время он приходил с работы.

– Работать я не могла долго. До конца учебного года так и не выходила. В школе меня поняли, директор вошла в положение. После Мишиной смерти государство выплатило приличное пособие. Спасибо Тане, она оформила и подала все нужные документы. Кроме того, у нас с Мишей были кое-какие сбережения. На это и удалось прожить. Всё это время я практически ничего не ела. Не нарочно. Просто забывала. Похудела на пятнадцать килограмм. Однажды я

не смогла открыть дверь Тане, потому что упала в голодный обморок, и с того дня она заделалась моей нянькой. Тогда я её ненавидела. А сейчас понимаю, что без неё бы не выжила. Хотя я и так не выжила. Я уже не я без него. Так, оболочка. Бледная копия.

Я глубоко вдохнула и выдохнула. Слёз уже не было. Выплакала всё. Осталась только глухая, беспросветная тоска.

– Вы меня простите, Игорь, что разоткровенничалась. Это просто тяжело. Так невыносимо. Вам, наверное, сложно это понять.

Он хлопнул ладонями по коленям, прошел к окну и опёрся руками о подоконник.

– Отчего же? К сожалению, я прекрасно понимаю, что вы чувствуете. Моя беременная жена погибла при пожаре в апреле прошлого года.

– Соболезную, – только и смогла сказать я, сглотнув колючий комок в горле. – Как вы это пережили?

Он опустил голову и тихо ответил:

– Этого не передать.

Мы молчали. Он, наверное, думал о своей потере, а я – о том, что не хотела близко подпускать к себе этого человека. Я не хотела, чтобы кто-то даже претендовал на место Миши. Обстоятельства вынудили воспользоваться помощью Игоря, но на большее я готова не была.

А сейчас я поняла, как мы похожи. Он такой же сломленный, как и я. Сломленный, но нашедший в себе силы существовать, дышать, быть в этом мире.

– Знаете, что я думаю? – неожиданно заявил мой гость. – Нам с вами нужно поесть. Признаться, у меня маковой росинки не было во рту со вчерашнего дня. Да и вы, готов поспорить, ничего не ели.

Это было неожиданно. То, что он стал командовать, взял инициативу в свои руки. Я даже растерялась. Но так запахло жизнью, простой, настоящей, той, от которой я давно отвыкла, что я поддалась. Каким-то непостижимым образом ему удалось переключить меня с прошлого на этот самый миг.

В следующее мгновение я осознала, что у меня совершенно пустой холодильник, о чём и сообщила Игорю.

– А я знаю, потому и предложил, – с улыбкой ответил он. – Будем готовить «Оливье».

– Но я не...

– Я помню. Не празднуете Новый год. Но от чего-то мне кажется, что салат съедите с удовольствием. Поставьте вариться овощи, а за остальным я схожу. На первом этаже я видел магазинчик, думаю, там есть всё необходимое.

Он действительно собрался и через полчаса принёс все недостающие ингредиенты – горошек, ветчину и баночку корнизонов.

С Игорем оказалось приятно находиться рядом. Его компания не тяготила. Не было той неловкости, которую испытываешь в общении с незнакомцем. Горе, которое мы пережили... Это хорошо, что Игорь узнал о моей утрате, а я – о его несчастье. И хоть мы этой теме больше не касались, я чувствовала, что это объединило нас.

Я сняла овощи с плиты и слила воду, а Игорь, пока нарезал ветчину и солёные огурчики, травил байки о больничной жизни. И я впервые за два года поймала себя на мысли, что улыбаюсь. Улыбаюсь искренне, потому что весело, а не потому, что другие люди хотят видеть меня такой. Улыбаюсь по-настоящему, а не в угоду кому-то.

За разговорами «Оливье» приготовился как-то уж очень быстро. Игорь залил его майонезом и перемешал в кастрюле огромной ложкой.

– Ну что, в салатницу будем выкладывать или...

– Или! – кивнула я и выложила наши порции сразу на тарелки.

Ужинать решили в гостиной. Игорь предложил включить телевизор. Показывали «Джентльмены удачи». Под замечательный советский фильм я не заметила, как прикончила

свою порцию. Игорь положил добавки, а потом начался «Иван Васильевич меняет профессию». А потом мы ели мандарины на скорость, и я от смеха и сладости фруктов не могла жевать, и Игорь, конечно же, победил. А потом я заснула. Не помню, в какой момент, но легко и быстро.

Снился летний луг, солнце, запах травы и цветов и стрекот кузнечиков. Как же хорошо! Просыпаясь, открывать глаза не спешила, хотела продлить сладостное ощущение, оставшееся ото сна. На улице светило солнце. Стрекот, что удивительно, не исчез, хотя я совершенно точно проснулась. Силась понять, откуда исходит звук, я села на диване и огляделась.

Вспомнила события вчерашнего вечера, прошлась по квартире, но Игоря не было. Неужели мне всё это показалось? Его расположение, любезно приготовленный ужин... Зачем тогда всё это?

Я расстроилась. Ведь он вселил в меня глупую надежду, что всё ещё может быть, что возможно... Помассировала пальцами виски и поняла, что странное стрекотание исходит от Мишиных часов. У меня перехватило дыхание. Они показывали десять утра! Они пошли!

Метнулась в комнату за телефоном и набрала номер Тани. Гудки, гудки... Это долго, слишком долго, мне надо поделиться, рассказать скорее.

– Таня, они пошли! Танечка, милая, они пошли! Ты представляешь?

– Кто пошёл? Куда пошёл? – зевнула в трубку подруга. – Лизок, у тебя всё в порядке?

– Да, то есть нет. Понимаешь, сначала пришёл Игорь, потом мы ели салат, потом он ушел, – начала сбивчиво рассказывать я.

– Оу! Игорь? Тот самый, что возил тебя в больницу? – подруга вмиг проснулась.

– Ну да!

Тут в дверь позвонили настойчивой длинной трелью.

– Танюш, не клади, я сейчас открою.

Подбежала к двери, распахнула и ахнула, когда увидела на пороге ёлку. Настоящую живую ёлку! Ноздри тут же заполнились потрясающим ароматом мороза и хвои. Из-за зелёных веток раздался голос Игоря:

– Я тут подумал, беспорядок, Лиз. Праздник, а главного атрибута у тебя в квартире нет. Найдём, чем нарядить?

«Лиза, Лиза, кто там?» – доносилось из трубки, а я смотрела на него во все глаза и, не понимая, как мне реагировать, пробормотала скорее по привычке:

– Я не праздную Новый год.

– Так, может, стоит... попробовать? – проговорил Игорь и затащил ёлку в прихожую.

А я почувствовала, как в такт тиканью часов радостно бьётся моё сердце.

Ушедшим в пандемию и их близким посвящается...

12.11.2021.

Победитель

Ульяна

Интересно, сколько сейчас градусов? Тридцать пять, тридцать семь, тридцать восемь? Хотя жара стояла такая, что было уже не так важно. Я шагала вдоль по улице и мечтала о том, как я доберусь до квартиры и приму холодный душ. Одежды на мне и так был минимум – короткие шорты и топ. Но я была близка к тому, чтоб снять и это.

– Невыносимо, Уля... Я сейчас в обморок упаду, – особо чувствительная к жаре Надя обмахивалась тетрадкой с конспектами, как веером.

– Не упадёшь, дорогая. Давай, ещё чуть-чуть! – подбодрила я её.

Мы возвращались из колледжа, с допзанятий перед завтрашним экзаменом, и мне удалось заманить Надю в гости шоколадным мороженым, поджидающим нас в холодильнике. Настроение у меня несмотря на изнуряющее экстремальными температурами лето было приподнятое. Сессия подходила к концу, экзамены давались легко, и до заслуженного отдыха оставалась всего неделя.

– Надо ещё выучить десять вопросов, и я готова, – бубнила Надя.

– Слушай, не занудствуй, прошу тебя, – сложила я руки в мольбе. – Относись ко всему проще.

– Ага, хорошо тебе говорить. Все предметы на раз сдаёшь.

– И ты сдашь, я уверена! – взяла подругу за руки и заглянула её в глаза.

Надя смотрела на меня исподлобья. Свежевытатуированные бровки забавным контрастом выделялись на бледном лице. Красивые длинные волосы она завернула резинкой на затылке в смешную гульку. Я не выдержала и рассмеялась.

– Надюша, ты слишком серьёзна и напряжена. Нельзя так!

– Да, ты права.

– Надо тебя растормошить. Давай сделаем что-нибудь безумное?

– С крыши спрыгнем что ли? – усмехнулась подруга.

– Ну зачем же? Тогда нам Иван Петрович невяку на экзамен поставит. А это, скажу я тебе... Ууух! – я погрозила указательным пальцем, изображая преподавателя, а Надя звонко рассмеялась.

Вот это моя Надюшка, теперь я её узнаю.

– Я имела в виду что-то менее радикальное, но в то же время действенное, – пробормотала и огляделась по сторонам.

Прохожие в такой зной на улице не задерживались. Вообще, я заметила, что народу в последние дни в городе мало. Люди разъехались – кто в отпуска, кто на дачи. Те же, кто остался в каменных джунглях, передвигались по улице перебежками, с удовольствием ныряя в магазины и супермаркеты, оборудованные кондиционерами.

Пока я стояла и думала, меня чуть не сбил парнишка на самокате. Мама, погрозив ему кулаком, смущенно передо мной извинилась и понеслась вниз по улице догонять своё чадо. Мальчик выворачивал из кофейни. На летней веранде заведения почти никого не было. Посетители предпочитали прохладу помещения.

Хотя именно на веранде я, может быть, и посидела бы – очень уж красиво она была оформлена. Всюду цветы: подвешенные в кашпо, высаженные вдоль ограды. Я не слишком в них разбиралась, но розы узнала безошибочно. Аккуратно оформленные клумбы поливал из шланга молодой парень. Он был одет в спортивные штаны и светлую футболку, стоял к нам спиной и что-то напевал себе под нос. Вода хрустальными каплями скатывалась по листьям и лепесткам и уходила в истосковавшуюся по влаге землю. Я смотрела на это несколько секунд, а потом мне в голову пришла сумасбродная идея.

– Извините! – окликнула я юношу, но он не повернулся.

– Уля, ты чего? – Надя смутилась и дёрнула меня за руку. – Пойдём.

– Да постой, – лишь отмахнулась я и снова позвала парня, сделав несколько шагов в его сторону. – Молодой человек, нам нужна ваша помощь.

Парень обернулся, и я на мгновение растерялась. Он был очень симпатичным. Почему-то первое, что я увидела – это были его губы. Пухлые, чётко очерченные, они сбили с толку. Высокие скулы придавали лицу мужественности. И несмотря на то, что лет ему было не многим больше, чем мне, я почему-то ощутила себя рядом с ним очень маленькой. Его чёрная бровь взметнулась вверх, и он удивлённо на меня уставился цепким взглядом синих глаз.

– Вы мне?

– Вам, – радостно кивнула, вновь обретя дар речи. – Вы можете нас облить?

Он не понял, как я и предполагала.

– Ну, из шланга водой, – объяснила для верности.

– То есть прям водой?

– Прям водой, – улыbnулась в ответ. Меня забавляло выражение его лица. Наверное, он принял меня за ненормальную.

– Уля, пойдём, не позорься! – Надюша шикала на меня, озираясь по сторонам, а юноша переводил взгляд то на меня, то на неё, видимо, полагая, что его разыгрывают.

– Молодой человек, я абсолютно серьёзна. Как никогда в жизни. Я хочу, чтобы вы облили нас из этого шланга. Вы можете это сделать?

Парень оценивающе на меня посмотрел, почесал затылок, и его потрясающие губы растянулись в улыбке.

– Ну что-ж, девчонки, сами просили, – усмехнулся он. – Претензии потом не принимаются.

Я отошла немного подняла руки вверх и зажмурила глаза. Вода оказалась холодной, и сначала у меня перехватило дыхание. А потом стало так весело, как в детстве. Я закружилась, подставляя струям спину, плечи. Почему-то нисколько не волновало, что подумают люди и как всё это выглядит со стороны. Вода уже хлюпала в сланцах, а одежда прилипла к телу, но это были такие пустяки. При такой погоде я высохну, не успев дойти до дома.

– Надя, давай ко мне! – прокричала подруге, но та только покачала головой.

– Нет уж увольте! И с тебя, кстати, тоже достаточно. Простудишься ещё, – И она, втянув голову в плечи (можно подумать, это защитило бы от воды), подбежала ко мне и решительно потянула прочь.

Натиску Нади можно было только позавидовать, да и прохожие уже начинали возмущаться, ведь на них попало – о, боже! – несколько капель воды. Словом, мне пришлось дать себя увести, и я успела только прокричать симпатичному синеглазому парню: «Спасибооо!», – на что он улыбнулся своей задорной улыбкой и махнул мне рукой.

Владимир

Мысли были далеко от полива розовых кустов. Пока направлял шланг на цветы, планировал, что нужно докупить в магазине, чтобы приготовить вечером ужин. У матери сегодня смена заканчивается поздно, в девять часов. Опять придёт уставшая и сердитая. Заведёт свою старую песню про то, какой я пропащий. Про то, что у других дети как дети – учатся в колледжах и университетах. Я её выслушаю, как обычно, понимая, что она это не со зла, вспомню, как ещё школьником вытаскивал её из депрессии, когда от нас ушел отец. А потом, выговорившись, она поблагодарит меня за еду. Нет, не скажет спасибо. Просто обнимет крепко-крепко и уйдёт спать, чтобы утром опять сесть за кассу в дворовом магазинчике. Я же уберу со стола и как обычно сяду за компьютер.

Да, это было моим способом уйти от реальности. В виртуальном мире я мог всё и легко подсел на это ощущение, ещё когда учился в старших классах. Компьютер остался у нас с хорошими времён, когда отец жил с нами, работал на заводе и получал неплохую зарплату. Это потом мать безуспешно через суд пыталась добиться от него алиментов, а он уклонялся всеми правдами и неправдами. Тогда мать предложила продать компьютер. Точнее, заявила в ультимативной форме.

В тот же вечер я принёс ей две тысячи рублей. Она подняла на меня, прыщавого девятиклассника, глаза и нахмурилась. Подумала, что украл. А что ещё она могла подумать? Ей было сложно поверить, что я прошелся по местным магазинам и предложил свои услуги. Кому в подсобке помочь прибраться, кому машину с привезённым товаром разгрузить, кому мусор дотащить до помойки. Там сотня, там две... Когда мать слушала, в её взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение. Ну мне, по крайней мере, хотелось так думать. В общем компьютер я тогда отстоял.

Погружение в виртуальный мир спасло меня от стресса, который я переживал. Мать так погрузилась в свои треволения, что едва ли думала о том, что чувствую я. А я прятался в компьютерных боях и сражениях, там я мог быть сильным и смелым, нужным своей команде. Работу я не бросил. После занятий традиционно пробегался по своим «точкам». Многие продавцы и владельцы магазинов быстро ко мне привыкли. Молодого пацана, конечно, в штат никто не горел желанием брать, но тому, что я мог заменить ушедшего в запой дворника или грузчика, люди были очень рады.

После окончания школы времени на работу появилось больше. Помимо того что я делал в магазинах, я стал помогать приятелю в автомастерской. Это тоже приносило какой-никакой доход. Мать, видя, что я не болтаюсь без дела, об образовании упоминала больше для вида. Ей очень хотелось, чтоб «как у людей», чтоб «не хуже, чем у остальных». Но мы оба понимали, что деньги, которые приношу я, – хорошее для нас подспорье.

За полгода мне удалось накопить на новую видеокарту. Старая не тянула игру, слишком древняя модель. Матери ничего не сказал, она бы не поняла. Когда поставил запчасть в компьютер, был несказанно счастлив. Игра перестала лагать, и процесс пошел гораздо быстрее. Постепенно я прокачивал свой аккаунт, заработал неплохой рейтинг, приобретал новые танки... Сегодня, кстати, предстоял большой бой. Я предвкушал, как разберусь с делами и сяду перед экраном, как вдруг меня окликнули.

– Извините! Молодой человек!

Я даже не понял сначала, к кому конкретно обращаются, поэтому я продолжил поливать цветы. Меня ни разу в моей жизни не называли на вы.

– Молодой человек, нам нужна ваша помощь, – повторили вновь очень мелодичным и приятным голосом.

Я повернулся и обалдел. На меня смотрела красивая молодая девушка. Миниатюрная и очень ладно сложенная. Она напоминала Дюймовочку из старого советского мультика. Мне было пять, когда я впервые посмотрел его. Помню, я очень болел за Короля Эльфов, и под конец даже вскочил на диван и размахивал кулачками, порываясь вместе с ним защитить Дюймовочку. И сейчас передо мной стояла чуть ли не её точная копия, смотрела на меня своими зелеными глазами из-под длинных пушистых ресниц. Возможно, она и по характеру была такой же покладистой и послушной, как Дюймовочка, да только её просьба немало меня удивила:

– Вы можете нас облить?

Сначала я не понял, о чём она. С трудом удалось переключиться с её тонкой талии, которую, казалось, я мог обхватить своими ладонями, на действительность. Блин, о чём она спросила?

– Ну из шланга, водой!

– То есть прям водой? – она издевается, или это провокация? Потом предъявит счёт за испорченные шмотки, не расплачусь...

– Прям водой!

Что ж, её можно было понять. Жара невероятная. Рядом стояла её подружка. Эдакая скромница-заучка с конспектами в руках. Неужели всё ещё учёба идёт? Я думал, уже давно каникулы.

– Уля, пойдём, не позорься! – процедила она сквозь зубы.

А мне вдруг до ужаса захотелось, чтобы эта странная девчонка не уходила. Сумасшедший огонёк в её зелёных глазах, кажется, поджег что-то и во мне. Подумалось, что она решается на подобное безрассудство впервые, и ей самой от этого и страшно, и весело. Я продолжал сомневаться, и девушка сказала:

– Молодой человек, я абсолютно серьёзна. Как никогда в жизни. Я хочу, чтобы вы облили нас из поливального шланга. Вы можете это сделать?

Я закусил губу, почесал затылок и вдруг понял, что мне до дикости хочется посмотреть на неё мокрую. Интересно, она понимает, что провоцирует молодого незнакомого двадцатилетнего парня?

– Ну что-ж, девчонки, сами просили, – усмехнулся и с прищуром посмотрел на Дюймовочку. – Претензии потом не принимаются.

Я направил на неё шланг с водой. Подружка, стоявшая рядом, отскочила, как я и предполагал, в сторону одним кенгуриным прыжком. А Дюймовочка... Я ожидал, что она завершит, попросит прекратить, скажет, что передумала, ведь вода-то холодная. Но девушка подняла руки вверх и, похоже получала настоящее удовольствие. Подставляла своё тонкое соблазнительное тело воде. Майка прилипла к груди, обозначая все прелести, и я уже пожалел, что согласился на эту авантюру.

Её детский восторг и непонимание, какого эффекта она добилась своим поведением, говорили то ли о её глупости, то ли наоборот – о её чистоте и неиспорченности. И к последнему варианту я склонялся больше. Она разительно отличалась от соседских девчонок, которые вешались на шею сразу, без игр и подтекстов, открыто. Вокруг тех девчонок не надо было ходить кругами, ухаживать и приглашать на свидания, всё плыло в руки само. Эта доступность сначала дурманила голову, но потом приелась и наскучила.

С этой девушкой всё по-другому. Я не мог объяснить себе, почему. Интуиция подсказывала. Интуиция? Серьёзно? Она у меня есть? Вот уж не думал, но факт оставался фактом. За предложение «пойти посмотреть фильм» или «подняться ко мне попить кофе» от такой девушки, как Дюймовочка, я вполне мог бы схлопотать пощёчину. Тогда как быть? Как сделать, чтобы она не ушла, когда я выполню её сумасшедшую просьбу? Ведь её зеленющие глаза будут преследовать меня, я уверен. Пригласить в ресторан? Так у меня и денег-то на него нет. Твою ж мать...

В этот момент она позвала к себе подружку, о которой я, признаться, уже успел забыть. Но та отказалась. Естественно. Более того, позволила себе утащить Дюймовочку из-под воды. А я просто стоял и смотрел, как она уходит, и клял себя на чём свет стоит, потому что реплики, чтобы её задержать, так и не придумал.

– Мам, а если девушка нравится, то как ей об этом сказать?

Мать перестала жевать и отложила ложку в сторону. Мы ужинали, мне удалось сварить вполне себе съедобный суп. Мать пришла с работы в неплохом настроении и даже не нудела по поводу того, какой я у неё неустроенный. И именно в этот момент мне пришло в голову завести разговор о взаимоотношении полов. Зачем об этом спрашивал, я понятия не имел. Ведь шансы увидеть зеленоглазую девчонку снова ничтожны. Она подняла на меня усталые глаза, а я впервые заметил расходящиеся от них лучиками морщины.

– Ну, не в том смысле, что нравится, – я окончательно смутился. – А в том, что нравится. Реально нравится, понимаешь?

К чести матери, она не стала улыбаться и подшучивать надо мной. Вышло ещё хуже. Она вспомнила об отце.

– Так и сказать. Честно и серьёзно. Витя признался мне в этом через пару месяцев после знакомства. Это было взаимно. Он был вежливым, работающим. Мне тогда казалось, что я за ним как за каменной стеной буду. По молодости он часто мне говорил, какая я у него красивая, любимая, хорошая. А нам, женщинам много ли надо? Любим ушами, не зря говорят. И я старалась как могла быть красивой, любимой, хорошей. Это потом неуютно стала. Бог его знает почему.

Мать провела рукой по волосам, тронув седой висок.

– То ли из-за того, что молодость ушла, то ли из-за того, что и не было никакой любви, – вздохнула тяжело, как-то по-стариковски. – Да только не я должна отвечать на твой вопрос. Не я, сынок.

Она встала из-за стола, ссутулившись, и направилась к себе. А я уставился на её тарелку с недоеденным супом.

– Прости, что тебе пришлось так рано повзрослеть, – пробормотала мать, оглянувшись.

И едва она закрыла дверь, как я с досады долбанул кулаком по столу.

И ты, мама, меня прости.

Следующий день был выходным, если можно так сказать. В субботу привоза товара в большинстве магазинов не планировалось, и я наведалься в кафе и супермаркет в соседнем доме. Работы на пару часов. Справился играючи и, честно говоря, не знал, куда себя деть. Приглашали вечером на очередную попойку, но идти в этот раз почему-то не хотелось. Накурившиеся всякой дряни девки, пьяные драки. Последнее время всему этому я предпочитал компьютерные бои.

Вчерашнее сражение я, кстати, с треском продул. Вернее говоря, моя команда. Тянул на себе весь бой, а под конец благодаря одному дураку, провалил задание. Да ещё так позорно. Зашел потом в его профиль, а там рейтинг – пфф! Статистика по боям – ещё хуже. Пацан десятилетний какой-нибудь, наверняка. Но ничего, сегодня я отыграюсь. Мечтал, шагая по направлению к дому и пиная попутно какую-то жестяную банку, но тут вдруг услышал музыку.

Звуки доносились с площадки, огороженной кованым забором. Я часто проходил здесь и, честно говоря, думал, что это школа. Но я ошибался. Девушки, сбившиеся в стайку возле большой музыкальной колонки, на школьниц уж никак не походили. Я бы ни за что не обратил на них внимание, если бы не то, что произошло дальше. Женщина постарше, видимо, преподаватель, прибавила звук на аппаратуре, а девушки разбились на пары и стали танцевать.

Я замер, пораженный необычностью действия. Это было как будто не из моего мира, как будто из сериала про благородных девиц. Плавность, неспешность движений привлекали, выглядело потрясающе красиво. В какой-то момент я опомнился. Неприлично так глазеть, как бы не влетело за это. Но другие прохожие тоже останавливались и наблюдали за танцем.

Как получилось, что я увидел её, я так и не понял. Сначала я подумал, что мне показалось. Вчерашний образ девочки с тонкой талией и зелёными глазами наложил на сегодняшние впечатления, вот мозг и выкидывает такие фокусы. Но потом пары повернулись, и я узнал её. Вцепился руками в прутья забора и стоял как приклеенный, боясь поверить. Хотелось убежать от страха, что вновь не смогу двух слов связать, но в то же самое время хотелось остаться и наслаждаться каждым её движением, каждым шагом, жестом, взмахом руки. Может ли быть такое, что встретились мы не случайно? Вот уже второй раз.

Музыка закончилась, и девушки, хихикая и переговариваясь, стали расходиться. Ульяна, конечно же, шла под руку со своей подружкой. Ох, насколько бы легче было к ней подойти,

будь она одна. Уля весело щебетала, а меланхоличная Надя опять свела на переносице бровки и молча слушала. Но заметила меня, как ни странно, именно она. Дёрнула Дюймовочку за рукав и пробормотала что-то на ухо.

Ульяна взглянула на меня и улыбнулась. Это было неожиданно. Вот уж не подумал бы, что она настолько мне обрадуется. Парню, которого видела в своей жизни только однажды. И то минуты полторы. Ощущение было странным. Оно зародилось в груди и разливалось теплом по всему телу. Похоже на то, как будто одержал победу в виртуальном танковом бою. Только намного, намного ярче и сильнее.

Отгнав от себя бредовые мысли, я засунул руки в карманы. Потом достал, потом опять засунул, пытаюсь скрыть чувство неловкости. Ульяна чмокнула в щёку подружку, и та прижала к груди конспекты, словно щит, и пошла восвояси, хмуро на меня зыркнув.

Ульяна проводила её взглядом, а потом повернулась ко мне и наградила лучезарной улыбкой. Такой открытой и простой, что из головы тут же выветрились все мысли. По идее, тишину должен был нарушить я, ведь это я её ждал, значит чего-то хотел и...

– Привет! – сказали оба одновременно и расхохотались.

– Ты чего здесь делаешь?

– Да просто шёл мимо и увидел тебя... – развёл руками, а потом почесал затылок.

Выглядело так, будто бы я чокнутый маньяк, который выследил, подкараулил. Ульяна покивала: мол, так я тебе и поверила. Да я и сам бы не поверил. Настолько неправдоподобно звучало.

– Ты как после вчерашнего душа? Не простудилась?

– Нееет, что ты, – покачала она головой. – Ты, можно сказать, меня от теплового удара спас.

– Ну и слава богу! – облегчённо выдохнул.

Контакт был налажен. По крайней мере, меня не собирались посылать к такой-то бабушке, чего я подсознательно ожидал. Чёрт, где моя привычная смелость, с которой я прежде общался с девчонками? Куда всё делось?

– Пройдёмся? – мотнул головой в сторону дорожки, укрытой тенью от деревьев.

– Давай. Сегодня, вроде бы, не так жарко. И всё-таки, если по-честному, как ты меня нашёл?

Ульяна

Я была до безумия рада его видеть. Мне с трудом удалось стереть с лица ликование от того, что мы встретились снова. Мысль о том, что выследил, разузнал, где я учусь, казалась до того романтической. И от этого трепетало всё внутри. Когда заметила его возле ворот, тут же представила, как он смотрел на наш танец и любовался мной. В то, что он проходил мимо колледжа – просто проходил! – верилось с трудом.

Вчера я о нём вспоминала. Втайне злилась на Надю, что увела меня так быстро, и мы не успели познакомиться. А потом думала о нём вечером, перед сном. Вспоминала черты лица, улыбку, задорный взгляд. Если б я знала, что моя сумасбродная идея и обливанием водой из шланга возымеет такие последствия... Ведь я вовсе не ставила себе целью... Ох, как это всё сложно.

Владимир. Он представился и протянул мне руку. Это показалось неуместно официальным и от того очень забавным. Его ладонь, шершавая, с мозолями, как от тяжелого физического труда, коснулась моей и немного поцарапала кожу. И от этого по руке, словно по электрическим проводам, пробежал ток.

А потом мы сидели на лавочке и ели мороженое. Он не позволил заплатить за себя, с важным видом достал из кармана спортивных брюк несколько смятых купюр и протянул продавцу. За мной впервые так ухаживали. Не то чтобы я никому из мальчишек раньше не нравилась.

Просто мама говорила, что успеется и главное – сосредоточиться на учёбе, да мне и самой особо никто не был симпатичен. А тут... так неожиданно и волнующе.

От близкого контакта кружилась голова. Да, даже когда просто сидели рядом на лавочке. Вова расспрашивал про танец, про учёбу. И я рассказала ему о том, что пара недель – и я получу диплом, стану учителем. Рассказала о предстоящем выпускном, о том, какое платье мы присмотрели с мамой, и о том, что до знаменательного события осталось всего два экзамена.

Вова много говорил о компьютерных играх. Активно жестикулируя, он описывал танковые бои. Рассказывал очень эмоционально и увлечённо. И несмотря на специфический жаргон и терминологию, мне, никогда с этим раньше не сталкивающейся, удалось даже кое-что разобраться.

О себе и о своей семье он рассказывать отказался. Не напрямую, конечно. Просто уходил от темы, отшучивался. И я настаивать не стала.

– Ты когда-нибудь кормила голубей с руки?

Я замотала головой.

– Сиди здесь, я сейчас вернусь, – и он снова метнулся в киоск, где мы до этого покупали мороженое.

Мама считала, что птицы переносят столько заразы и, когда видела пернатых, обходила стороной. А мне даже в голову не приходило, что это может быть настолько весело и увлекательно – кормить голубей. Вернулся Вова с пакетиком семечек, аккуратно раскрыл и бросил немного на асфальт.

– Сейчас, главное терпение.

Но голуби не заставили себя долго ждать. Они важно ходили рядом и клевали угощение. Невзрачные на первый взгляд, птицы сверкали своими красивыми грудками – у кого с зелёным, у кого с лиловым отливом. За ними было потешно наблюдать: толкались, отбирали друг у друга семечки. А Вова умышленно бросал горсти всё ближе и ближе к скамейке. Голуби осмелели и, наконец, отважились поклевать угощение с его ладони. Сначала один подошел, рыжий, самый смелый, а потом ещё два.

Я наблюдала за этим, затаив дыхание, а затем попросила:

– А можно и мне тоже?

– Давай сюда руку, – прошептал, чтобы не спугнуть пернатых.

И я протянула ладонь, он насыпал мне немного семечек. Но потом руку пришлось держать долго, чтобы птицы привыкли и ко мне. Самым отважным снова оказался рыжий. Ткнулся клювом мне в ладонь, и я чуть не вскрикнула от неожиданности. Они почти приговорили свою порцию, а я была настолько поглощена происходящим, что не заметила, как Вова пристально следит за моей реакцией.

– Они такие классные! – совершенно искренне восхитилась я.

Вова откинулся на скамейку и пробормотал:

– Да, я иногда прихожу их подкармливать, хлебом, печеньем, разным там... Когда я был маленький, у меня был попугай, отец на день рождения подарил...

И тут рыжий птах сильно клюнул меня за ладонь, требуя добавки. Я всё-таки вскрикнула и смущённо рассмеялась. Вова взял меня за руку и пристально стал рассматривать ладонь.

– Не больно? Не сильно поранил? А то он такой, самый наглый из их банды.

– Да ерунда, – я смешалась.

Второй раз за день эти прикосновения. Он мне симпатичен, я хочу с ним общаться и дружить, но не так быстро. Это слишком... слишком волнительно.

– Ты что-то говорил о подарке отца.

– Забудь, я сказал всё, что хотел, – нахмурился, и я удивилась, ведь он сам затронул эту тему. – Ты не боишься высоты?

Странно, что он спросил именно об этом. Я не то что не боялась высоты. Я её очень любила. Как-то раз, после ремонта в колледже даже перемыла окна на третьем этаже, за что меня очень благодарил уборщица, тётя Маша.

– А почему ты спрашиваешь? Мы идём кататься на колесе обозрения?

– Лучше, – Вова хитро прищурился, взял меня за руку и почему-то взглянул на небо. – Пошли, мы ещё успеем.

День близился к концу. А я и не заметила. Так быстро с Вовой время пролетело. Мы пересекли несколько дворов, и затем он завёл меня в подъезд одной из шестнадцатиэтажек. Сначала я подумала, что он тащит меня к себе домой. Напряглась.

– Вов!

Не отозвался, тащил и не слышал.

– Вов! Вова! Куда мы идём?

– Сейчас-сейчас! Скоро сама увидишь! Это очень красиво!

Мы поднялись в лифте на самый верхний этаж, а потом Вова ловко забрался по лестнице к люку и, повозившись немного, открыл ход на чердак.

– Давай руку!

Я думала лишь мгновение, но любопытство оказалось сильнее.

– Я бы пригласил тебя на крышу своей пятиэтажки, но там обзор плохой, – пробормотал он, закашлявшись от пыли и отворив ещё одну дверь.

С опаской пошла вслед за ним и огляделась. Никогда не была на крыше. Даже мысли такой не было. Кажется, череда безумств продолжается.

– Если боишься, к краю не подходи, – предостерег он, но пространство было огорожено довольно высокими бетонными бортами, поэтому я с интересом подошла, и уже во второй раз за день дух захватило от восторга.

Отсюда открывался удивительный вид на город. Вон там мой дом, а через две остановки – колледж, а вот там аллея, где мы кормили голубей. Люди ходят такие маленькие-маленькие. Машины, автобусы и трамваи, будто игрушечные. А вон речка и парк...

– А теперь посмотри туда, – Вова подошел со спины, взял меня за плечи и заставил повернуться.

Я впервые увидела закат. Нет, я в своей жизни видела тысячи закатов, но этот был так ярко и так близко, что мерк перед остальными. Большое солнце. Я даже не смогла бы сказать, какого цвета. Красно-оранжевое, или даже, вернее сказать, огненное, наполовину скрылось за синими облаками. Оно было совсем рядом. Кажется, руку протянешь и схватишь огромный шар. Такой недосыгаемый и опасный. Такой обманчиво близкий.

– Нравится? – прошептал Вова мне на ухо.

– Очень.

Я повернулась к нему и позволила заключить себя в объятия. Мне это было нужно сейчас, как молчаливое доказательство, что всё не шутка, что происходит нечто серьёзное, и это повлияет на нас. На такой высоте было свежо, но от его тела исходило не то что тепло. От него шёл жар. И это говорило за него лучше любых слов.

– Когда у тебя экзамен? – пробормотал, утыкаясь мне в волосы.

– Через три дня.

– А завтра что будешь делать? Готовиться?

– Наверное. Утром, – ответила, замерев от нежного и осторожного поцелуя в висок.

– Можно я приду?

– Можно. Что мы будем делать?

– А какая разница? – и он накрыл мои губы поцелуем, сладким и будоражающим, как сама высота.

Владимир

Осознание, что я собираюсь сейчас на настоящее свидание, вызывало истерический смех. Рассказать кому из приятелей – не поверят. Но что теперь, если раньше я вращался в такой компании, что мелочь, подобная свиданию, упускалась за ненадобностью. Слава богу, матери дома не было. Она бы точно не упустила возможности вызнать – куда я направляюсь и зачем.

А рассказывать не хотелось. Удастся или нет, но я намеревался сохранить отношения с Улей в тайне как можно дольше. Намного позже я признаюсь себе, что попросту стыдился своей нынешней жизни. Но на тот момент, я слишком плохо знал Ульяну, чтобы понять, что стыдился я совершенно напрасно.

Надел свежую футболку, джинсы, взглянул на себя в зеркало. Улыбнулся, потом нахмурился и пригладил пятернёй непослушные вихры. Волосы не поддавались, и мне пришлось в голову намочить их водой. Стало ещё хуже – будто корова языком прилизала. Плюнул, снова взъерошил причёску и, схватив с тумбочки ключи, выскочил за дверь.

Мы условились встретиться в час. Ульяна к этому времени планировала расправиться с вопросами к экзамену, и я намеревался покатасть-таки её на колесе обозрения. За пятнадцать минут до назначенного времени я был у её подъезда. Присел на лавочку, огляделся. Ребяшня тусила во дворе – кидались песком, дрались ветками, ревели. В общем, всё как обычно. Грустно усмехнулся. Где мои семнадцать лет... Таким взрослым вдруг себя почувствовал. Не по годам.

Я ударился в воспоминания и не заметил, как пошел второй час, а Ульяны всё не было. Взглянул на экран сотового – тишина. Слышал, конечно, немало анекдотов о том, как женщины опаздывают на свидания, но в душе зародилось неясное беспокойство. Не случилось ли чего. Потыкал пальцами в кнопки и приложил аппарат к уху. Уля долго не отвечала, и я уже начал нервничать, как вдруг на том конце провода раздалось:

– Вов! Вов, слушай, я тут затеяла... Я думала, что справлюсь быстрее, но, похоже это надолго.

О чём она? И что происходит вообще? Я растерялся от её слов:

– А как же... что же мне?

– Знаешь что? Поднимайся ко мне! – выпалила Ульяна, сама, похоже испугавшись своих слов.

Это было неожиданно. Я не думал, конечно, что она решила меня соблазнить, или что-то в этом духе. Слишком не похоже на неё было – нутром чувствовал. Хотя я был бы не против... Но скорее всего, тут что-то другое.

Поднялся на лифте на нужный этаж. Дверь была открыта. Добротная, железная, с основательным замком. Заметил мимолётом, вспомнив нашу с матерью, обитую дерматином. Вошёл в прихожую, с любопытством осматриваясь. Но после солнечной улицы смог разглядеть только пару курток на вешалке и зонт на тумбочке. Ничего лишнего, идеальный порядок.

В квартире пахло едой. Я не мог понять, чем именно, но чем-то потрясающе вкусным. Настолько, что у меня позорно заурчало в животе несмотря на то, что из дома я вышел позавтракав. И едва я успел подумать, слышно ли было это Ульяне, как она появилась в коридоре. Я тут же забыл обо всём на свете, потому что взглянул на неё, и сердце снова затопило тепло и непонятная нежность. Ничего более трогательного я в жизни своей не видел.

На Уле был фартук с огромными ромашками, из-под него торчали стройные тонкие ножки, а с плеча сползла бретелька ярко синей майки. В голове пронеслась мысль – хочу ли я, чтоб под фартуком оказались также и шорты, но Ульяна её спугнула, сама того не ведая:

– Я затеяла приготовить родителям ужин, пока они на работе. Решила сделать приятное. Я же не знала, когда мы с тобой вернёмся. Сварила суп, жаркое. И подумала, что успею пожарить пирожки, но...

– Что-то пошло не так, да? – улыбнулся.

На это Ульяна кивнула и утерла лоб рукой, оставив не нём след от муки. Никогда бы не подумал, что способен умиляться девушке. Не только вожелеть и хотеть, а расплываться в улыбке, даже просто глядя на неё. Но главное, что я не чувствовал в этом ничего постыдного, небрутального, неподобающего мужчине, и испытывать это было очень приятно.

– Я помогу. Только покажи, где помыть руки.

Интересным открытием оказалось, что Уля воспринимает приготовление еды как увлечение, как диковинное занятие. Было видно, что она старается, но опыта в этом у неё нет никакого. И готовит еду у них в семье, вероятно, мама. Ну или папа. При мысли об отце в груди больно кольнула зависть. И злость. Совсем немного и едва ощутимо. Я шумно выдохнул и мысленно надавал себе оплеух. Ульяна не имеет к проблемам в моей семье никакого отношения, и переносить свои чувства на неё я не должен.

Стоит только порадоваться, что жизнь её не била мордой об стол, что она не оставалась голодной на сутки, пока единственный родитель на ночной смене... Пусть лучше научится так... так, как сейчас.

– С чем пирожки будем делать? – как можно более беззаботно произнёс я.

– С рисом, луком и яйцом. Начинку я уже подготовила, а вот с тестом у нас отношения не сложились.

– Муки ещё немного нужно. Подсыпь вот сюда, да, прямо мне на руки, – кивнул и сжал ладонями липкую массу.

Мать раньше часто стряпала. Ещё когда отец жил с нами. Я сидел напротив и зачарованно смотрел, как её сильные крупные руки разминают тесто. Мать на ходу сочиняла смешные стишки и поговорки про пирожки, печку, ещё каких-то сказочных героев приплетала. Сейчас уже и не вспомню. Но из детства осталось ощущение чего-то тоскливо родного, и в груди опять больно защемило.

– Может радио включить? Так повеселее будет, – и Ульяна настроила на телефоне какую-то популярную волну.

Зазвучала попса. Уля подняла на меня глаза настороженно, ведь это не модно и всё такое. Но у меня было сейчас такое настроение, что на происхождение музыки стало совершенно наплевать. Всё рядом с Ульяной, как бы это пафосно ни звучало, казалось лучше и приобретало совершенно другие оттенки и смыслы.

Похоже и она развеселилась окончательно. Сначала, когда я только вошёл в квартиру, Ульяна показалась мне расстроенной и даже пару раз попросила прощения за несостоявшееся свидание. Зато теперь, едва услышав первые аккорды, она запрыгала по кухне и, держа ложку на манер микрофона, запела про какие-то малинки-вечеринки.

Я разрезал тесто на небольшие кусочки, раскатал их в лепёшки, а Ульяна начала выкладывать на них начинку, успевая подпевать и пританцовывать под популярный трек.

– У нас неплохо получается, – поиграла плечиками она. – Не жалеешь?

– О чём? – не понял я.

– О том, что в парк развлечений не пошли.

– Неа, тут вкуснее.

Она, похоже, не поняла и только лишь улыбнулась, снова подтянув сползшую лямку от майки. Я бы не отказался просидеть на Улиной кухне до конца дня, а, возможно, и до конца лета, но всё хорошее, к сожалению, имеет свойство кончаться. Ложка звякнула о дно миски с начинкой, и Ульяна с удивлением наклонила посуду и заглянула внутрь:

– Я думала, что больше приготовила... Ладно, – с деловым видом встала и отряхнула руки о фартук, раскрасневшаяся от включенной печки и растрёпанная от усердия. – Я намажу противень, и загрузим пирожки в духовку. Надеюсь, всё получится.

Она заметно волновалась. Мужское самолюбие заставляло верить – это чтобы покрасоваться передо мной. Но в реальности я понимал, что любовь такой девочки ещё нужно заслужить. И большой вопрос, кто перед кем красоваться будет.

И как раз в момент, когда Уля наклонилась, чтобы поставить пирожки выпекаться, а я пытался прибрать со стола, в дверном проёме появились мужчина и женщина. Мужчина седоватый, солидный, в рубашке-поло и светлых джинсах, а женщина худая, зеленоглазая, как Ульяна, в платье под цвет глаз. Они переглянулись, а потом нахмурившись посмотрели на нас. И под их взглядами я ощутил себя не в своей тарелке.

Перед родителями своей девушки стоило предстать в более презентабельном виде. А я, наверняка, весь в муке, лохматый... Наверное, сейчас нужно протянуть руку и представиться. Да только Уля сориентировалась быстрее меня. Она обезоруживающе улыбнулась и сказала такое, от чего я и вовсе почувствовал себя героем комедии:

– Мам, пап, знакомьтесь. Это Вова.

Час спустя я лежал на кровати у себя в комнате и тупо пялился в потолок, пытаюсь перевернуть, что, собственно, сейчас произошло. Уля буквально вытолкала меня из квартиры, бормоча «Потом-потом, всё потом». Я не хотел верить, что она меня настолько стыдилась и не хотела показывать родным. Но другого объяснения произошедшему у меня попросту не было. Вряд ли её родители оборотни, которые едва завидев нового избранника их дочери, тут же съедают несчастного на ужин. Усмехнулся дурацким мыслям. А что? Вышла бы неплохая компьютерная игра.

В этот момент зазвонил сотовый. И стоило мне взять аппарат, как Ульяна взволнованно зашептала в трубку:

– Вов, ты как? Я совершенно не предполагала, что они захотят пообедать дома.

– Да нормально в принципе, – осторожно пробормотал я.

– Я, наверное, должна объяснить... Понимаешь, мои родители, они очень в этом плане строгие и консервативные люди.

Напрягся. Предисловие так себе. Да и поводов я не давал, ведь не в постели же они нас застали. Уже приготовился выслушать типичное женское «Ты клёвый, но мы расстаёмся», но...

– Просто я у них единственная дочь, и они любят меня до безумия. Мама много раз говорила, как встречала бы моего молодого человека. Она мечтала, что наденет своё лучшее платье, сделает причёску, уберёт до блеска дом, достанет белоснежную скатерть и бабушкин фарфоровый фарфор. Вов, к такому надо быть готовыми. И дело не только в атрибутах. Морально готовыми надо быть. И это не делается так – с набегу, с наскоку, в обеденный перерыв.

– Уля, я не понял. Что это значит? Это ты меня так бросаешь?

– Да неееет! – простонала она. – Ты правда ничего не понял. Я тебя на официальное знакомство с родителями приглашаю! Если ты, конечно, всё ещё мой парень, – и затихла, ожидая моей реакции.

Сердце застучало как молотком по груди. Я вскочил с кровати и стал мерить шагами комнату. Надо перевести дух, успокоиться и ответить. Уффф...

– Когда? Где?

– Адрес ты знаешь. Завтра в шесть часов.

Я представил, как она улыбается – хитро, прищулив свои зелёные глаза. И тут же захотелось её поцеловать, сжать в объятиях, маленькую и хрупкую. Я должен постараться оправдать её надежды. Раз для моей Дюймовочки это важно, то я с честью выдержу испытание под названием «Знакомство с родителями».

Утром я понял, что мне совершенно нечего надеть. В джинсах и футболке на такие мероприятия не ходят, а рубашка у меня была всего одна – со школьного выпускного. И из неё я

успел безнадежно вырасти. Решив отложить решение проблемы до вечера, спешно собрался на работу, но и там не мог успокоиться. Денег на костюм или хотя бы на захудалые брюки у меня не было, а поскольку встречают у нас традиционно по одежке, настроение моё, когда подходил к дому, было хуже некуда.

Возле подъезда встретил соседа. Виталик учился в параллельном классе, поступил в институт. Политех, вроде. Я, честно говоря, особо никогда и не интересовался. А тут, вдруг, остановились, языками сцепились. Я ему и выложил, что не в чем идти к девушке. Подтрунивания и намёки пропустил мимо ушей. И каково же было моё удивление, когда Виталик предложил мне на вечер свой костюм:

– Померь, придётся в пору – мне не жалко.

И вот я стою в нашей с матерью маленькой прихожей напротив зеркала и вглядываюсь в отражение. Чёрные брюки со стрелками как раз – удачно, что мы с Виталиком одного роста. Светло синяя рубашка – и рукава что надо, и плечи вроде на месте. Мать бы сказала, к глазам подходит.

Смотрел на себя и думал, что, пожалуй, хотел бы быть в таком виде каждый день. Работать не грузчиком и подсобным рабочим, а менеджером в каком-нибудь банке. Или заняться веб-дизайном и создавать такие вот игрушки компьютерные, в которых сейчас сам зависаю. Но потом потряс головой, снял чужую одежду и разозлился сам на себя. Пока я буду учиться всему этому, мы с матерью с голоду сдохнем.

До часа икс оставалось ещё очень много времени, и я, чтобы не метаться по квартире, как тигр в клетке, решил скоротать время за компьютером. Открыл свой аккаунт. Так, что у нас тут нового. Ивенты, новые игровые режимы... Ничего интересного. Да к тому же командное всё: 30 на 30 игроков. Неизвестно с кем в команду попадёшь. А что у нас в турнирах? Опа, один на один. Ну уже что-то. И призовой фонд неплохой – личные резервы (доп. опыт; доп. опыт экипажа; доп. кредиты). В общем недолго думая, я нажал кнопку «зарегистрироваться» и вскоре уже бороздил просторы виртуальной вселенной.

Подтверждённых команд было четырнадцать, и мне после серии боёв удалось выйти на второе место. Игра захватила, как всегда. Я отчаянно жал на клавиши, рискуя сломать клавиатуру, матерился и ругался, переписывался в чате с соперниками. И я совершенно не заметил, как стемнело. Не заметил, как вернулась мать. Вернулся в реальность, только когда она принесла мне мобильный из прихожей.

– Сынок, а кто такая Ульяна?

Вздрыгнул, уставившись на аппарат в материных руках, а потом чуть не закричал от отчаяния.

– Мама, сколько времени? – подскочил и выхватил у неё трубку.

– Девять. Десятый час, наверное, уже. Ты ужинал?

– Причём здесь ужин, мама?! Причём здесь ужин?! – и вылетел из квартиры.

Так стыдно мне не было ещё никогда. Тридцать девять пропущенных! Тридцать девять! Бедная моя девочка, она подумала, что я струсил, что я спасовал перед знакомством с её родными. А я же... А что я? Я ещё хуже, заигрался в игрушку, как малолетка какой-то! Вот как я ей признаюсь? Ну, дурак! Она ведь бросит меня. Скажет – на кой чёрт я ей такой сдался? Или не признаваться вообще?

Всю дорогу набирал её номер. Не отвечала. То ли спит, то ли слышать меня уже не хочет. Добежал до её дома и остановился перед окнами. Искушение позвонить в домофон было велико, но стало слишком стыдно. До такой степени, что захотелось провалиться сквозь землю. Я поднял голову вверх и нашёл её окно – четвёртый этаж, четвёртое слева. Посчитал ещё позавчера, когда провожал Улю после крыши. Вспомнил, как хорошо всё тогда было, легко и про-

сто. Вспомнил, что сам только что всё разрушил, игроман несчастный. Не зря мать говорила... Возникло желание от души навалить себе по морде.

Посидел немного на лавочке, подумал покричать Ульяну, чтобы вышла. Как бы гадко я не поступил, но поговорить нам было необходимо. Потом решил, что кину в окошко камушек по старинке. Прицелюсь в раму, благо опыт большой. А разобью стекло – ну и чёрт с ним. Хуже уже вряд ли может быть. Замах, бросок, и через минуту Ульяна выглядывает во двор, находит глазами меня, а через две – выбегает из подъезда, кутаясь в просторную вязаную кофту.

– Вова, ты где был? С тобой всё в порядке? – кинулась ко мне, схватив за руки. – Я волновалась.

Стиснул челюсти и чуть не застонал, почувствовав себя последней скотиной.

– Мама расстроилась. Распереживалась, что у нас несерьёзно, что ты спасовал. А я убеждала, что всё не так, что ты не мог, – горячо шептала она. – Расскажи, что произошло. На работу срочно вызвали?

О господи, милая моя, наивная девочка. Она ищет, как меня оправдать, и от этого становится только хуже. Я бы мог наврать с три короба, навешать лапши на уши и назначить новую встречу. Да только какие же тогда у нас будут отношения, если они начинаются со лжи?

– Ульян, я играл.

– В смысле, играл? – она отпрянула и распахнула свои зеленющие глаза.

– Ну, играл на компьютере, – севшим голосом ответил я.

– Так вот зачем ты мне об этом рассказывал... – Уля хватала воздух ртом.

А я ждал приговора, понимая, что что бы я сейчас ни ответил, всё будет выглядеть нелепо и жалко.

– Я готовилась... Вов... Мы готовились... Ты первый... Я же никогда раньше... Мама... О, Господи! Вова, как же так? Это серьёзно было – для них, для меня... А ты! Я думала... Я поверила, Вов, понимаешь? Поверила! А для тебя, выходит, эти железки важнее...

Она чуть не плакала, и слышать разочарование в её голосе оказалось худшим наказанием. Хотел хоть что-то сказать в свою защиту, но понимал, что заслуживаю каждое сказанное ей слово. Ульяна развернулась и скрылась в подъезде, а я проклинал себя на чём свет стоит.

«Для тебя, выходит, эти железки важнее...»

Нет! Нет! Тысячу раз нет! Теперь – нет! Теперь, когда появилась Ульяна. Она стала самым важным в моей жизни. Только виртуальный мир не отпускал. Раньше была иллюзия, что я всё контролирую. Могу встать из-за компьютера, когда нужно куда-то пойти или лечь спать... Но сегодняшний вечер показал, что ситуацией я не владею. Может мне правда нужна помощь?

Возвращался домой, еле передвигая ноги, с чётким желанием раздолбать компьютер молотком, как только окажусь в своей комнате. Необходимо было кого-то сделать виноватым, а признать, что виноват я сам, мужества так и не хватило. Вот если превратить технику в груды пластика и железа, интересно, от этого станет легче?

У подъезда на лавочке сидели пацаны. Кто курил, кто щёлкал семечки. Я прошел мимо, как во сне.

– Эй, Вован, ты чего такой смурной?

– Мужики, он не здороваётся даже!

– Совсем зазнался!

– Мужики, а он мечтает, как миллион выиграть! Слышь, Вован, будешь в турнире участвовать? Зарегался? Уже на следующей неделе.

Под свист и улюлюкание я зашел в подъезд. Везде эта игра! Со всех сторон! Как нарочно. И так непросто, а тут ещё и они со своими соблазнами. Как доза для наркомана, честное слово. Осторожно открыл дверь, зашел в квартиру. Тихо. Прошёл по комнатам, мать спала у себя, не погасив свет. Одетая. Видно, меня ждала. Чёрт, я же ничего ей не рассказал – куда ушел, зачем? И не стану пока. Сначала нужно вернуть Ульяну.

Следующим утром я понял, что компьютер громить не стану. Хотя бы потому, что его можно выгодно продать. Я противился этому, когда мы с матерью оказались в скверном финансовом положении, но сейчас понял, что это выход. Опубликовал объявление на одном популярном сайте, указал все характеристики, установил цену. Вполне адекватная, чтобы не отпугнуть. Шумно выдохнул. Я осознавал, что отрезаю себе путь в виртуальный мир, в мир, где я мог быть сильным, смелым. Только иначе, к сожалению, было нельзя.

К работе я приступил с особым рвением. Хотелось забыться и доказать, что я и в этой жизни чего-то стою. Начальники, коих у меня было очень много, на каждой «точке», только диву давались, не уставая подкидывать поручения. В автомастерской тоже было чем заняться. Ребята выкупили у одного пенсионера за копейки старенькие Жигули. Не на ходу, конечно. Но сочли, что, поколдовав над движком, машину можно оживить. Это было спасением для меня сейчас. Я вызвался остаться на ночь. Да никто, впрочем, и не возражал.

Руки механически делали свою работу, а сам лихорадочно думал, чем мне удивить Ульяну. Грандиозные подарки? Охапка цветов? Ресторан? Золото? На это за пару дней не заработаешь... И что-то мне подсказывало, что вся эта мишура – не про неё. Главное вовсе не это. Главное – вернуть её доверие. А это гораздо сложнее.

Следующие три дня я приходил домой только ночевать. Мать лишь вздыхала, когда я, едва добравшись до кровати, падал на покрывало прямо так, в одежде. С тех пор как ушел отец, мы редко разговаривали по душам. И сейчас мать пыталась пару раз вызнать, что со мной. Но всё было слишком сложно, и объяснять у меня не было никаких сил.

Машину удалось продать в три раза дороже. В одном из магазинов я добился, чтобы меня оформили-таки на полставки. Пачка денег в кармане росла. Я откладывал их, так и не придумав, как мне извиниться перед Ульяной и исправить свой глупый поступок. Прийти к её дому снова не хватало духу, и я чувствовал, будто бегу по кругу – каждый день одно и то же. И что должен изменить, я не понимал.

А потом я встретил Надю. Это было неожиданно. Как привет из прошлого, привет из тех счастливых дней, когда у нас с Улей было всё хорошо, пока я сам всё не испортил. Надя поздоровалась первая:

– Привет!

Я хмуро кивнул и остановился. Она была той ниточкой, которая могла вновь связать меня с Ульяной. И я стоял и молчал, малодушно ожидая, что сейчас как по волшебству всё разрулится.

– Что, даже не спросишь? – исподлобья глянула она на меня, прижимая неизменные учебники к груди.

– А ты расскажешь? – ответил, прекрасно понимая, о чём речь.

– Расскажу. У неё беда в семье, Вова. Отец попал в аварию. У него тяжелая травма позвоночника. Прооперировали, но нужна серьёзная реабилитация. Мать Ульяны днюет и ночует там, взяла отпуск без содержания на работе. Уля кое-как сдаёт экзамены. Сам понимаешь, в каком она состоянии. Они экстренно собирают деньги для поездки за границу. Говорят, именно там есть шанс поставить его на ноги. Пока на счету копейки, но Уля надеется на лучшее. Ей сейчас очень нужна поддержка любящего человека.

Упрёк в её глазах был излишним, до меня и так дошёл смысл её слов. В который раз за последние дни почувствовал себя конченным придурком. Боялся позвонить, а она не набирала мой номер, потому что было попросту не до этого. Глупо, глупо, глупо! Чуть ли не бегом направился домой, решив отдать Ульяне всё заработанное. Пусть крохи, но возможно, они приблизят её отца к выздоровлению.

Возле подъезда снова сидели пацаны. Я хотел опять пройти мимо – не до них сейчас, – но Виталья преградил мне путь:

– Вован, костюмчик когда отдашь?

– Да хоть сейчас.

– А что так? Не пригодился?

Не ответил. Ждал, когда пропустит. Кулаки чесались, хотелось выпустить пар, но тратить время на драку было жалко.

– Слышь, Вован, ты в турнире-то участвуешь? Мы так и не поняли в тот раз, – Витёк, заядлый геймер, щёлкал семечками и сплёвывал шелуху прямо себе под ноги.

– Я больше не играю.

– В смысле?

– В прямом. Не играю, сказал, – и, толкнув плечом Виталика, прошёл в подъезд.

Дома пересчитал деньги. Это смешно. Просто смешно. Не хватит даже, чтобы купить билет на самолёт. Заработать такую большую сумму в короткий срок мне просто негде. Просить в долг у пацанов, таких же голодранцев, как и я, даже и думать не стоило. Проданный компьютер тоже ситуацию не спасёт. Обратиться к отцу? Так он за десять лет нам с матерью ни копейки не заплатил. Неужели даст денег сейчас на реабилитацию совершенно незнакомого человека.

Я оглаживал комнату, в панике подыскивая выход из положения, и взгляд зацепился за компьютер. Я не включал его уже три дня. Чёрный монитор притягивал, но мне удавалось бороться с собой.

«Вован, ты в турнире-то участвуешь?» – тут же всплыло в мозгу.

«Он мечтает, как миллион выиграет», – и идиотские улюлюканье в спине.

Миллион... Не так давно действительно было объявление о турнире. Главный приз – миллион рублей и машина. Не иномарка, конечно, но добротная. Турниры с реальным вознаграждением не объявляли никогда. Чаще выигрышем были всякие ништяки в игре – новые танки, бонусы и тому подобное... Я слышал о турнире, видел ажиотаж, который царил вокруг мероприятия в сети. Да только из-за проблем в реальной жизни мне было совершенно не до этого.

«Он мечтает, как миллион выиграет...»

Я подошел к компьютеру и в задумчивости постучал пальцами по столешнице. Обещал себе, что больше никогда не сяду, ни за что не буду играть, но это был реальный шанс. Я мог победить, потому что опыт имел большой и рейтинг по боям высокий. Сомнительный повод для гордости, конечно, и всё-таки.

– Последний раз, – сказал сам себе, быстро включил компьютер, открыл аккаунт и зарегистрировался в турнире.

Бои продолжались всю ночь, и в какой-то момент я понял, что для меня это перестало быть игрой. Я впервые не получал никакого удовольствия, привычного для меня кайфа, не испытывал куража. От исхода серии сражений зависела судьба нескольких людей, в том числе и моя. Так нелепо и дико, ведь я до сегодняшнего дня считал это развлечением, и даже подумать не мог, что виртуальный мир влезет в мою реальность таким образом.

А на рассвете объявили победителя. Сначала я не поверил. Думал, что-то не так понял. Но когда мне на электронную почту прислали письмо с просьбой указать реквизиты банковского счёта, которого у меня, кстати, сроду не было, я осознал, что победил.

Утром усталости совершенно не чувствовал. Сначала хотел, как только банк откроется, направиться туда, а потом решил, что поступлю проще.

Ульяна долго не отвечала на телефонный звонок. Я не слышал её голос уже целую неделю и не знал, от чего волнуюсь больше: от собственной победы или от долгожданного разговора с любимой.

– Я слушаю, – ответила холодно и безжизненно.

– Пришли номер счёта, куда вы собираете деньги для отца, – без предисловий сразу начал я.

– Что? Откуда ты...

– Неважно, просто пришли номер счёта, – и повесил трубку.

Всё потом. Как бы мне ни хотелось сейчас с ней поговорить, узнать, как она, родители, сначала необходимо решить проблему с деньгами. Не успокоюсь, пока Уля их не получит.

Через некоторое время зазвонил телефон. Сердце сделало кувырок. Ульяна.

– Спасибо, – очень тихо, искренне и нежно. – Вова...

– Да...

– Приходи завтра на выпускной в два часа.

– Я буду.

Вот и костюмчик пригодился.

Ульяна

Выпускной был похож на сказку – воздушные шары, цветы и все нарядные, красивые и счастливые. После того, как ситуация с папиной реабилитацией разрешилась, я наконец-то смогла вздохнуть спокойно.

Не знаю, откуда Вовка взял деньги. Когда пришло уведомление о переводе средств, я чуть не задохнулась от нахлынувших чувств. Надеюсь только, что деньги он добыл законным путём. Позже я непременно его об этом расспрошу. А сейчас я была настолько ему благодарна, что на глаза слёзы наворачивались. И, конечно же, я его простила за ту детскую выходку – пропустил встречу из-за того, что заигрался. Вспылила тогда, убежала, а потом жалела. Ведь смешно, ей богу. Ему и самому было стыдно, я видела. Наутро хотела позвонить, а тут беда с папой. Не до того просто было.

Волновалась, оглядывалась – придёт или нет. И когда Вова показался у ворот колледжа, махнула ему рукой. Он остановился чуть поодаль ото всех, а я проклинала протокол и официальность мероприятия. Хотелось подбежать прямо сейчас и упасть ему на грудь, чтобы обнял крепко-крепко. А с другой стороны, хотелось, чтобы наблюдал и гордился, видел, как мне красный диплом вручат, видел наш с девочками танец...

Все разбрелись кто куда, чтобы сделать праздничные фотографии, поздравить друг друга. А Вовка подошел ко мне, учтиво поклонился, взял за талию, и мы стали покачиваться в танце под музыку, так удачно оставленную звучать фоном.

– Мама с папой завтра улетаю в Германию. В клинике уже их ждут.

– Я очень рад... А ты?

– А что я. Я теперь школьный учитель. Учитель начальных классов, если быть точной. С сентября приступаю к работе.

– Очень хорошо. Раз ты учитель, значит сможешь меня подготовить, – Вовка хитро улыбнулся.

– К чему подготовить? – не поняла я.

– К экзаменам.

– Какие экзамены? – изумилась я. – Ты же не учишься нигде.

– Вступительные, – разулыбался Вова.

Я настолько была переполнена эмоциями, что не сразу осознала, о чём это он. А когда поняла, то расцеловала в гладко выбритые щёки.

Останься

– Ты козёл, Ерёмин! Я ненавижу тебя! Спишь со всеми подряд, даже не скрывая это! – прокричала Арина и потрясла зажатым в руке телефоном.

Она стояла посреди ординаторской в шубе нараспашку, эффектная шатенка с искажённым злобой красивым лицом. Фёдор пытался утихомирить Арину и вернуть свою трубку. Санитарка Люсенька ретировалась с поля боя мгновенно, позабыв о ведре и лентяйке.

– Ты дура, да? Это анестезиологу сообщение!

– Да хоть проктологу! – Арина вырвалась, отскочила от мужа и, паясничая и кривляясь, зачитала смс-ку вслух. – «Встречаемся через пятнадцать минут. Вторая операционная». Ты всех так любезно предупреждаешь?

– Уймись, это рабочий вопрос, – устало потёр переносицу Фёдор.

– Для решения рабочих вопросов существуют рабочие телефоны, Ерёмин, понимаешь? Ра-бо-чи-е!

Мне было откровенно его жаль. Я знала, что у Фёдора сегодня выдалась непростая смена, а тут ещё и жена добавила проблем. И самое интересное, что у неё совершенно не было повода устраивать такие сцены. В больнице все друг у друга на виду, и скрыть что-то довольно сложно. Никто не святой, и бывало всякое. Но если бы он действительно изменял жене, об этом тут же стало бы известно.

Арину можно было понять. Фёдор – красивый мужчина. Статный, широкоплечий с мужественными чертами лица. И я солгу, если скажу, что не фантазировала о нём. Представляла, каким мог бы быть секс с ним, представляла его руки у себя на плечах, груди, бёдрах. От таких мыслей пробирала сладкая дрожь. Потом я открывала глаза и понимала, что никогда не посмею сделать шаг первая. Сделать шаг навстречу и соблазнить чужого мужчину. Слишком больно будет всем. Мечты так и оставались мечтами, и мы с Фёдором Александровичем были не более чем добрыми друзьями и коллегами.

Я была не одинока в своей симпатии. Пациентки всех возрастов пытались заигрывать с ним. Кокетничали направо и налево. Но Ерёмин был непробиваем. Коллегам, докторицам и медсестричкам, тоже оставалось только ронять слюни. Видимо, он всё-таки любил свою жену, несмотря на все её выкрутасы.

Она могла позвонить среди смены во сколько угодно, хоть в час ночи, хоть под утро, когда каждая минута сна на счету, и спросить: «Ты сейчас с кем?» Арина изводила его, совершенно не думая, что унижает мужа и искореняет всё хорошее, что есть между ними. Доверие? Нет, не слышали. Можно подумать, на дежурстве больше заняться не чем, кроме как зажиматься по углам с девицами.

Она и слышать не хотела оправданий Фёдора. Он вновь предпринял попытку успокоить свою жену, а я уткнулась в историю болезни и старательно делала вид, что меня здесь нет. Я бы сбежала отсюда, но Арина стояла как раз возле двери. И выйти из ординаторской означало пройти мимо этого тайфуна, что мне совершенно не улыбалось.

– Арина, прекрати истерику! – Фёдор заламывал ей руки. Я видела, что он с трудом сдерживается от того, чтобы не вмазать ей по её разругавшимся щекам.

Завотделением Римма Павловна наблюдала за разразившимся скандалом с открытым ртом. В своём почтенном возрасте она привыкла, что подобное происходит лишь на телеэкранах. Мы все слышали о ревности Арины и считали это преувеличением, честно говоря. Но теперь, когда увидели масштабы трагедии вживую, стало не до смеха. Захотелось, чтобы эта жуткая сцена поскорее прекратилась.

Арина словно услышала наши молитвы. Она какое-то время шарила взглядом по ординаторской. Вначале мне показалось, что она ищет, чем бы запустить в мужа. Но я ошибалась.

Арина схватила лентяйку, взмахнула ей, и несколько капель грязной воды попали на белый хирургический костюм Фёдора. Он этого даже не заметил и отреагировал только тогда, когда жена вылетела прочь, не забыв от души хлопнуть дверью.

Он постоял несколько секунд, переводя дух, а потом что-то увидел на улице и понёсся за своей фурией. Римма Павловна тут же прильнула к окну и охнула от ужаса. Я последовала её примеру – любопытство оказалось сильнее меня. А всё оказалось просто. Видимо, улететь на лентяйке, как на метле, не получилось, и Арина громила ей машину мужа. Отделение наше находилось на первом этаже, поэтому было прекрасно видно, как лобовое стекло покрылось густой сетью трещин. Было видно и капот, украшенный вмятинами.

Арина размахивала руками, но Фёдору удалось вырвать у неё лентяйку и отшвырнуть в сторону. Я смотрела на это безобразие и думала не об автомобиле, не об отношениях двух любящих людей, а о том, что он замёрзнет. За то время, что мы работаем вместе, он стал мне не чужим человеком. И меня волновало, чёрт возьми, что на улице минус пятнадцать градусов, а он в одной хирургической «пижаме». Странно? Может быть.

Я отошла от окна. Попереклаживала на столе бумаги, а потом направилась в туалет. Умыться, смыть с себя эту мерзкую ругань. Грязь попала на него, а такое ощущение, что облили и меня. Сейчас вернётся Фёдор, и от чего-то мне казалось, что он захочет побыть один. Не захочет выслушивать навязчивые вопросы и наталкиваться на сочувствующие взгляды.

День прошел в привычной для хирургического отделения суете. Добраться до ординаторской удалось только в шесть часов вечера. И я была не слишком удивлена, увидев там Фёдора.

Он сидел в темноте хмурый за своим столом. Перед ним красовалась бутылка виски и стакан. Он посмотрел на меня тяжелым взглядом, а я растерялась. Что говорить в таких случаях? «Мне очень жаль, что ты поссорился с женой?» «Я сожалею, что тебе досталась такая дура?» Звучит по-идиотски. Домой идти не хочет, оно и понятно. Так уж вышло, что больница стала нашим вторым домом. А хорошо это или плохо... Поди разбери. Мой бывший считал, что плохо.

Я подошла к своему компьютеру и пошевелила мышкой. Полоска голубого света выхватила часть ординаторской. Фёдор поморщился и плеснул себе ещё виски.

– Тяжелый день, – сказала я, чтобы хоть как-то разбавить гнетущую тишину.

Он молчал. Шумно вдохнул и выдохнул. Находиться с ним в одном помещении было неловко, неудобно. Я чувствовала, что он на пределе. Алкоголь его ничуть не успокоил, а только распалил. Я привыкла видеть его спокойным и уравновешенным, а сейчас просто не узнавала. Желание ему помочь было велико, но не сделаю ли я хуже?

Некоторое время я пробовала работать. Даже почти получилось оформить протокол операции. Но потом поняла, что так продолжаться не может. Что делать, я так и не придумала, а Фёдор проговорил:

– Знаешь, к кому она приревновала меня на этот раз? – сказал настолько чётко, как будто и не был пьян.

Оказывается, был ещё один раз, не только анестезиолог. Когда только успела?

– Понятия не имею, – мотнула я головой.

– К тебе.

Я почувствовала, как заливаюсь краской. Блин, что за смущение дурацкое! Не девочка уже. А у самой внутренний голос в голове: «Ты же хотела этого, очень хотела». Я принялась перекладывать вещи на столе, не зная, что на это ответить, и вскоре услышала:

– Выпьешь со мной?

Вроде бы и спрашивает, но не оставляет возможности отказать. Я не любила алкоголь. Пила только в Новый год, и только шампанское. Традиционные крепкие напитки, которые презентовали пациенты при выписке, я чаще всего передаривала. Мне не нравилось то, что алкоголь забирает контроль. А я привыкла управлять своими поступками, словами и мыслями.

– Выпей, прошу, – настойчиво повторил он.

Я пересекла ординаторскую, взяла с его стола бутылку с намерением поставить пойло в шкаф.

– Хватит, тебе не станет легче от этого, – пробормотала тихо.

Он перехватил мою руку, и мне показалось, что кожа под его ладонью загорелась.

– Ты пьяный, тебе надо домой.

Расхохотался каким-то злым, фальшивым смехом. Я поставила бутылку на место и погладила его по плечу.

Он поднялся из-за стола. Оказывается, он очень высокий. Очень. Когда так близко. Я ощутила его раздражение, он чуть ли не гудел, почти вибрировал весь. И этот гнев не отталкивал, а возбуждал и манил. Это как смотреть вниз с крыши, с самого верхнего этажа. Высоко. Голова кружится, знаешь, что опасно, нельзя, но сморишь вниз и думаешь: а каково это – летать?

Он провёл кончиками пальцев по моей щеке, и мне с трудом удавалось держать себя в руках. Спокойно, он просто пьян. Будь он трезвым, ни за что бы так не сделал. И я сейчас отступлю назад, потому что нельзя. Это чужой мужчина. Чужой!

Мгновение, и меня окутал его запах. Смесь табака, спиртного и парфюма. Повело окончательно. Я закрыла глаза и попробовала уговорить себя, что всё не так, что я по-другому хотела, что надо остановиться, пока не поздно, как вдруг он притянул меня к себе и поцеловал. Властно и настойчиво, завладев ситуацией окончательно. У меня сорвало все планки.

Я окунулась в эту опасную пучину, и стало настолько сладко, что я ему ответила со всем пылом и страстью. Почему всё это время я боялась себе признаться, что так хотела этого? Почему отказывалась хотя бы попробовать? Семья? Бред. Разве так относятся друг к другу в настоящей семье? Так, как сегодня? И если ревность – это проявление любви, то проявление извращённое и уродливое.

Куда-то пропало чувство стыда. Это скверно, что мне не стыдно сейчас? Это, видимо, достойно порицания и осуждения. Но мне просто некогда было думать о его жене. Я ещё никогда в жизни не чувствовала себя настолько нужной и живой.

Одежда полетела на пол, обнажая тело и душу. Он был открыт для меня и искал утешения, пускай таким примитивным способом. Ему необходимо было знать, что кто-то его любит и хочет. Что с кем-то может быть просто и легко, без скандалов и мотания нервов. Что он кому-то действительно необходим именно такой, как есть. Погрязший в работе, дни и ночи проводящий в операционной. Немного сумасшедший, но чуткий и нежный.

Он смахнул бутылку и стакан и усадил меня на стол. Прижал к себе и принялся ласкать. Всё закружилось, а потом стало раскачиваться из стороны в сторону. Я словно была уже не я и находилась совсем не здесь. Он познавал меня. Пробовал на вкус, на запах, проводил по бёдрам шершавыми горячими ладонями, а потом по спине, заставляя прогибаться навстречу ему.

Стало вдруг совершенно не страшно перед той высотой, ведь он был рядом. Он умело вёл к решающему прыжку, оставалось только оттолкнуться и... Мы летим вместе, и это так до одурения хорошо, так захватывающе, что хочется заверещать от восторга. Заорать что-то глупое и рассмеяться вместе с ним. А там внизу... Что будет там? Мы разобьёмся?

Я ждала от него сожаления, ведь я прекрасно понимала, что он сделал это в порыве и назло жене, но ни секунды не жалела о произошедшем сама. Я ждала, что он скажет хоть что-нибудь... «Не принимай всерьёз». «Забудь». Что-нибудь в этом духе. Он же просто оделся и ушел. Через минуту больничный двор осветили фары, и он с визгом газанул и улетел прочь.

По всем законам жанра мной должна была овладеть обида и злость. Но я сидела, как дура, и наслаждалась этой минутой. Хотелось, чтобы время остановилось, хотелось лелеять эти мгновения в памяти. Я не думала, то будет завтра, как мы будем работать бок о бок, не собиралась на что-то претендовать и навязываться. Мне просто было хорошо.

Дежурство прошло спокойно. Я видела Фёдора мельком утром на пятиминутке, а затем в отделении. Сама была ужасно занята, не было времени даже поздороваться. К концу дня заметила его на крыльце служебного входа. Он курил, уставший и совершенно вымотанный.

Я вышла к нему, поёжилась от холода и обхватила себя руками. Мы молчали какое-то время, а потом он затушил сигарету и сказал:

– Я развожусь.

И в этот момент я испытала какую-то дикую сумасшедшую радость. Пыталась её унять и убедить себя, что это неправильно. Себя, а потом его. Что нужно всеми силами пытаться сохранить брак. Что семья – это один раз и на всю жизнь.

А потом подумала – какого чёрта? Он взрослый человек и сам решает свою судьбу. Хотелось верить, что вчерашний секс имел для него какое-то значение, но я была не настолько наивна. Скорее всего, выходка жены была последней каплей, и он принял тяжелое решение.

Я закрыла глаза и мысленно надавала себе по морде. Я не могу иметь к его личной жизни никакого отношения. Так, прошла по касательной. И меня не должно волновать его семейное положение. Зачем он мне всё это говорит? Я хотела уже вернуться в отделение, но он окликнул:

– Остайся.

Кошкин дом

Вы никогда не задумывались, каково жить с именем кота? Это в детстве не так чувствуется, когда ты мамин Василёк – голубоглазый мальчишка с вихрастой чёрной шевелюрой. Но вот ты становишься постарше, и уже соседская ребятня кличет тебя не иначе как Васькой. Обидно. Особенно когда на зов поворачиваются вместе с тобой ещё пара дворовых котов. Стараешься не обращать на пренебрежительный тон внимания. Получается плохо, но с этим, увы, ничего не поделаешь.

Годам эдак к пятнадцати-шестнадцати твоё имя в устах девушек звучит уже как «Ваа-а-а...». Протяжно, зазывно и очень нежно. Кошачьи ассоциации отходят на второй план, хотя гормоны бурлят примерно так же, как у этих шерстяных засранцев. Мурлыкая девушкам в уши комплименты, ты понимаешь, что не такое уж оно и плохое, твоё имя. Немодное, да и хрен с ним. Прелестницы сменяют одна другую, и вот ты уже не Вася, а здоровый усатый дядька...

– Василий Петрович, там Ольховские на проводе, – Регина протянула мне трубку радиотелефона. – По поводу трёшки на Ленина, как я поняла.

Чёрт, я же дал им свой номер, чтобы звонили напрямую, а не через контору. Регина повела острым плечиком и скривила губы. Очень уж она не любила делать чужую работу, вот и назвала по имени-отчеству, хотя мы уже давно на ты. А ещё завидовала, наверное, такой удачной сделке. Сама Регина стараться не любила. Пора бы ей уже понять, что риэлтора, как и волка, ноги кормят, и покупатели сами на голову не свалятся.

Дождался, пока Регина скроется за пластиковой перегородкой, и ответил на звонок. В трубке забубнил голос покупательницы. С ней было тяжело общаться. Дама в возрасте, которой всюду мерещились обман и мошенничество. И, как я и предполагал, повода для разговора как такового не было. Мышиная возня. Сделка назначена через четыре дня, всё уже оговорено на тысячу раз, но клиент всегда прав. Тем более, речь шла о больших деньгах. А потому я повторил на тысячу первый:

– Не волнуйтесь, Мария Дмитриевна. Встречаемся, как и договаривались...

Успокоить её удалось только через десять минут. И, чувствуя себя выжатым досуха, я решил подзаправиться на кухне. Пищеблок у нас был маленьким, но уютным, укомплектованным всем, что требуется. Тут и микроволновка, и холодильник с кофе-машиной, и полный шкаф с сухомыткой на любой вкус. Хотя, последнее – это уже мы сами, общими усилиями, так сказать.

Я нажал кнопку на кофе-машине, аппарат довольно заурчал. Открыл дверцу шкафа в поисках съестного. Но тут взгляд привлекло нечто, завернутое в фольгу. Я с любопытством отогнул блестящий край и увидел пирог. Настоящий домашний пирог! Это было довольно необычно для нашей конторы, где девицы заказывали еду из ресторана, а мужики и по давню к кулинарии имели самое посредственное отношение.

Пирог выглядел и пах настолько аппетитно, что я не удержался и отломил кусочек. Это была королевская ватрушка, точь-в-точь, как готовила когда-то мама. Выпечка просто таяла во рту. В этот момент в кухне показался Глеб – мой коллега и по совместительству лучший друг. Редкий модник, он обожал рубашки с необычным принтом и сейчас как раз был в одной из них. При взгляде на узор у меня зарябило в глазах. Моргнул несколько раз, отряхнул руку от крошек и протянул приятелю. Сегодня мы ещё не виделись.

– Привет! – он с чувством пожал мою ладонь. – Что, кот Василий, стоило оставить еду без присмотра, как тут же стащил?

– Вкуснотища обалденная! Твоё что ли? – я уже давно привык к беззлобным шуткам Глеба и никак на них не реагировал.

– Боже упаси. Я и кулинария? Неее. Это новенькая, Антонина, принесла. Проставляется по прибытию в наш дружный коллектив. Девочки говорят, она школьная учительница в прошлом. Долгое время не работала, в декрете что ли была. Не знаю точно. Ну её шеф взял с нуля практически. С обучением, как стажера. Сам знаешь, как нам люди нужны. Она ничо вроде, толковая.

Глеб посторонился, и я выглянул в общий зал, где рабочие места наших сотрудников были разделены лишь небольшими пластиковыми перегородками. Да, действительно, слева, недалеко от окна, я заметил новое лицо. Молодая женщина, довольно миловидная с аккуратной шапочкой каштановых волос. Она поднялась и пошла к соседнему столику. Роста она оказалась небольшого, ниже меня головы на две, наверное. Была немного «в теле», как сейчас принято говорить – деликатно, и чтобы никого не обидеть. Но это её ничуть не портило. Наоборот, крутые бёдра покачивались при ходьбе, приковывая взгляд, а полные руки добавляли облику сходства с героинями полотен Рембрандта, как и высокая грудь, так некстати упакованная в светлосинюю блузку.

Я склонил голову, с интересом рассматривая нового сотрудника и сосредоточенно пережевывая выпечку, а Глеб глубокомысленно изрёк:

– Осторожнее с мучным, Вася. Вот что станет с тобой, если не будешь знать меры, – и указал на Антонину.

И чёрт знает почему, но мне стало неприятно и гадко от его слов. И вовсе не из-за себя.

Остаток дня я провёл на телефоне. Обзвоны, обзвоны, бесконечные обзвоны. Поиск объявлений о продаже квартир в интернете, просмотр фотографий – удачных и не очень, диалог с продавцами разной степени адекватности. Всё это требовало выдержки и терпения, балансирующих на грани. Но затраченные ресурсы окупались: к вечеру я имел уже четыре назначенные на завтра встречи и двух потенциальных покупателей, которые и объект особо не горели желанием смотреть. Такое бывает часто, когда квартиру для дальнейшей сдачи в аренду покупают.

Погруженный в свои мысли, я выключил компьютер, собрался и, выйдя из-за своей перегородки, заметил в пустом зале Антонину, склонившуюся над документами. Она не походила на тех, кто стремится выслужиться перед начальством, отдавая работе всего себя. Почему же она не торопится домой? Я прошел между столами и остановился возле её места. Она не работала, просто смотрела на бумаги невидящим взглядом, как будто о чём-то очень глубоко задумалась.

– Антонина! – окликнул коллегу, но та не отреагировала. – Тоня!

Вздрогнула, заметив меня, и подняла на меня глаза.

– Пора домой... – начал было, но натолкнулся на её взгляд и замолчал.

Она не успела переключиться со своих мыслей на окружающую действительность, и я даже не понял, что такого было в её взгляде, но это заставило сердце сжаться. Это длилось всего мгновение. Потом Антонина быстро натянула улыбку «сама любезность», она же «идеальный сотрудник», и пробормотала рассеянно:

– Да, вы правы... Вы совершенно правы.

Женщина прибрала на столе, взяла сумочку и направилась к выходу. Когда я помогал надеть Антонине пальто, почувствовал, как от неё пахнет ванилью. Опять вспомнилась вкуснейшая выпечка, ассоциации с чем-то домашним и тёплым. Очень хотелось познакомиться с ней, как-никак работать вместе предстоит. Только за всё время Антонина едва ли сказала пару слов. «Спасибо», «пожалуйста» и всё... Странно. Когда увидел её днём, я почему-то решил, что она эдакая болтушка-хохотушка с лёгким характером. Мне казалось, что она как новый сотрудник должна обо всём расспрашивать, всем интересоваться. Хотя, может, человек просто устал. Но только меня-то это почему волнует?

На следующий день до офиса я добрался только к четырём часам. Назначенные встречи прошли плодотворно, и я пребывал в прекрасном расположении духа. Единственной проблемой было то, что не удалось поесть. И именно поэтому я направился сразу на кухню, чтобы заварить себе кофе. Там встретил милующихся Глеба и Регину, которые смущенными ни разу не выглядели. Наоборот, ещё я и получил за то, что не стучусь. В общественное-то место... Регина одёрнула платье, капризно изогнула тонкие губки и процокала мимо меня на каблучках. Глеб же плотоядно проводил её взглядом.

– Пошли с нами в бар после работы?

Я оторвался от приготовления кофе:

– Ты уверен, что я вам нужен? – глянул я на приятеля с усмешкой.

– Регина упоминала о подруге. Может, её позвать, чтобы тебе грустно не было? Или у тебя сейчас кто-то есть?

– Я подумаю, – протянул в ответ, заметив на столе свёрток. – Опять новенькая старается?

– А? – Глеб всё ещё витал в облаках после обжиманий. – А, да. Это Кошкина приготовила снова.

– Как? Кошкина? – подумал, что ослышался.

– Ну да, фамилия такая. Я тоже сразу о тебе подумал, – расхохотался приятель. – Было бы прикольно. Василий Кошкин.

Несмотря на то, что он мой хороший друг, её богу, когда-нибудь я выбью ему зубы.

– Боже упаси... – содрогнулся я, распаковав свёрток и отломив капустного пирога.

Антонина выглядела лучше, чем вчера. Я исподтишка наблюдал за ней. Разговаривала с коллегами, общалась свободно, без стеснения, смеялась. Видимо, всему виной вчера и правда был первый день на новом месте. И удивительно, но от сердца отлегло. Мне почему-то хотелось, чтобы ей хорошо было у нас, чтобы сработались.

В бар пойти я всё же согласился. Регина, едва услышав это, тут же схватилась за телефон и начала радостно щебетать с подругой. Я был уверен, что Регина меня недолюбливает, и такой энтузиазм выглядел удивительно. И только потом до меня дошло – выгодно пристроить подругу было всё же важнее. Что ж, будет жаль разочаровать девочку в том, что наши планы на счёт серьёзности и длительности общения не совпадают.

Я сделал несколько звонков по поводу завтрашних встреч и почти готов был к выходу. Глеб и Регина ждали на улице, и я, выключив компьютер и застёгивая куртку на ходу, поспешил к ним. Предвкушал приятный вечер, представлял, как пропущу пару коктейлей, обнимая сидящую у меня на коленях красотку (других в подругах у Регины не водилось), но меня остановил взволнованный голос Антонины, доносящийся из кухни. Из-за неплотно прикрытой двери в полупустом офисе было слышно каждое произнесённое слово:

– Как ты можешь? После того, что было... Хорошо, не разговаривай. Я тоже найму адвоката. Будем общаться через них, раз между собой у нас диалога не получается... Найду деньги на адвоката, заработаю, не сомневайся.

Потом она затихла. Видимо, отключила связь. А я ускорил шаг. Услышав такой эмоциональный разговор, я счёл лучшим не показывать Антонине, что стал невольным свидетелем. Ни к чему это. С кем она судиться собирается, интересно? И почему наши кумушки с Региной во главе ещё не вызнали её подноготную и не разболтали всему офису? Очевидно, Тоня не любительница трепать языком. Это выгодно отличало её от других сотрудниц, за что я невольно проникся к Антонине уважением.

Регина висела на локте у Глеба. Я хмыкнул, увидев такую примитивную картинку, и направился вслед за товарищами. Бар находился в двух кварталах, и решено было пройти пешком. Регина по дороге расписывала многочисленные достоинства своей подруги, как будто сватала за меня. Это было смешно. И фитнесом-то она занимается, и диеты-то она придер-

живается, и ютуб-канал она новый открыла, где уже полторы тысячи подписчиков набрала. И прочая, и прочая.

– А готовить она умеет? – перебил я.

– Готовить?

– Ну да, мясо, картошку, пироги печь умеет?

– Зачем? – захихикала Регина, похоже, искренне не понимая. – Она ужинает в ресторанах. Её папа – знаменитый...

На этом месте я перестал слушать. Всё оказалось примерно так, как я себе и представлял. Непроходимая тупость предложенной (читай – подложенной) мне девицы с лихвой компенсировалась её внешностью. Вот тут претензий не было. А после двух бокалов алкоголя я и вовсе решил, что интеллект тут не главное, как, впрочем, и кулинарные способности. Не женится же я на ней собираюсь.

Соблазнительный силуэт в свете софитов. Короткая юбочка и топ, открывающий зрителю проколотый пупок. Маленький голубой камушек сверкает в неоновых лучах, дразнит, заставляя потрогать, ощутить его холод пальцами, языком...

Проснулся я дома один. О присутствии вчерашней гостьи напоминали только терпкий аромат духов, так не подходящий юной девочке, и какая-то липкая розовая дрянь на моей рубашке. Наверное, средство для губ. Что ж, было весело, но желанием снова её видеть я не горел. Тем более на трезвую голову. Пусть летит на свою фитнес-тренировку. Или куда она там так рано убежала. Даже имени её сейчас не вспомню.

Посмотрел на часы, чертыхнулся и, не позавтракав, наскоро оделся и выбежал из подъезда. Как некстати, что машина осталась у офиса. До первой встречи оставалось всего тридцать минут.

Стоило ли удивляться, что на встречу я опоздал. Начавшийся так паршиво день не мог быть хорошим. Остальные же потенциальные клиенты... такое ощущение, что они надо мной просто издевались. Находили самые нелепые предлоги: то им вид из окна не нравился (дословно – не по фэн-шую), то пахло как-то не так в квартире, то энергетика не та. Я задействовал весь свой запас красноречия, но никого мне убедить не удалось. За всё время, что кручусь в этой сфере, я пытался вникнуть в эти тонкие материи, да безуспешно. Никому не удалось доказать мне, что имеет значение что-то ещё, помимо этажа, квадратуры, качества ремонта и тому подобного.

В офис я вернулся голодный и злой. Народу в зале было мало. Глеб рассказывал вчера, будто бы кто-то слёг на больничный. Одна мадам с сегодняшнего дня в отпуске, а остальные, видимо, на выезде. Первым делом метнулся в кухню, чтобы кинуть что-нибудь в топку, и затормозил на пороге, увидев там Антонину. Она смутилась и отступила в сторону, чтобы пропустить меня к кофемашине. Удивительно, но, несмотря на свою комплекцию, она не выглядела грузной. Её движения были плавными и степенными, полными достоинства. Я усмехнулся. А что ты ждал, Вася? Что она будет переваливаться с боку на бок и охать? Ведь Тоня ещё молодая женщина. Может, моего возраста, а, может, чуть помладше.

Она сжала в руках большую оранжевую кружку ароматного травяного чая. Не пакетированного, а именно настоящего, рассыпного. Пах он мятой и смородиной, и ещё чем-то очень приятным, напоминающим о лете, о деревне и о дедушкином огороде.

– Как ваши дела? – она улыбнулась, присела на диван и отпила немного чая.

Да, неловкое молчание. Я был ей благодарен за то, что нарушила тишину. Только отвечать «Спасибо, отвратительно» вовсе не хотелось. На столе снова лежал свёрток. Очередная вкуснятина от Антонины Кошкиной. Покосился в сторону пирога. Тоня, видимо, это заметила и предложила:

– Угощайтесь, пожалуйста. Мне будет очень приятно, если вы попробуете.

Я не заставил уговаривать себя, отломил внушительный кусок и отправил в рот. Пирог оказался на этот раз с мясом и картошкой. Мясо поперченное, как я люблю, и тонко нарезанный лук. Пожалуй, вышло немного поспешно, но я был настолько голоден, а выпечка оказалась настолько аппетитной, что об этикетке думать было некогда. Даже садиться не стал, лопал прямо так, стоя возле стола. Тоню, как ни странно, моё поведение не оттолкнуло. Она смотрела мягко, немного снисходительно и попивала свой чай. Подоспел и мой кофе. Чудо-машина возвестила об этом тихим пиликанием. Я пригубил ароматную жидкость и спросил:

– Зачем вы это делаете?

– Что именно? А, готовлю? – спохватилась, как будто я опять выдернул её из каких-то размышлений или раздумий. – Мне не трудно. К тому же... это вроде как уже привычка.

Ответила немного грустно и опустила глаза. Не хотелось её расстраивать, в чём бы ни была причина, поэтому я поспешил сменить тему:

– Чем вы сейчас занимаетесь? Нужна какая-нибудь помощь?

– О, я буквально сегодня утром показывала квартиру на северо-западе одной молодой паре. Это всё ново для меня, поэтому даже простой выезд на адрес я уже считаю успехом.

– Согласен, всё начинается именно с этого, – я потёр ладони и опустился рядом с Антониной на диван. – В нашей работе много интересного. Это вы ещё с видом из окна «не по фэн-шую» не сталкивались!

Она залиvisto рассмеялась:

– Не по чему?

– «Не по фэн-шую», – повторил со значением, подняв указательный палец вверх.

За годы работы у меня накопилось множество баек. Впору было садиться и писать книгу, да только многие могли бы узнать в ней себя. И огрёб бы Василий Петрович в ближайшей подворотне по первое число. Я представил себя дерущимся с обиженными клиентами и разъярёнными фанатами, и настроение поднялось ещё больше.

Я мысленно зачислил очко на свой счёт за то, что мне удалось разговорить Тоню. Она ожила, заулыбалась. Выглядела уже не такой растерянной, как всего лишь пару дней назад. Намного позже я, конечно, пойму, что вовсе не во мне было дело. Не в моём красноречии балагура и весельчака. А в том, как она отражала мои эмоции, как реагировала на истории и реплики. Она оказалась прекрасным слушателем, а может, здесь крылось что-то большее, глубокое и важное. Но расколдовал вовсе не я её, а она меня.

Я потерял счёт времени, да и Тоня, похоже, тоже не спешила уходить. Беседу нарушил звонок моего сотового. Неопределенный номер. Что за ерунда! Не вовремя, только и сбросить нельзя, потому что свой номер я давал очень многим клиентам. Поднялся и отошел в другой конец комнаты.

– Да, слушаю.

– Вася, это Юля. Увидимся сегодня? Какие планы на вечер?

Юля? Какая ещё Юля? Видимо, моё молчание смутило собеседницу, потому что уверенный и бодрый тон голоса в трубке сменился на заискивающий:

– Прости, что ушла утром так рано. Тренировка... И весь день был забит, ни минуты свободной. Дела, сам понимаешь...

После упоминания о сегодняшнем утре память моментально ко мне вернулась. Коктейль, бар, неоновый свет, проколотый пупок... Господи, откуда она достала мой номер? Хотя это как раз и не удивительно. Регина, наверное, постаралась. Ей очень повезло, что я женщин не бью, хотя за такое бы стоило. Чёрт, как отшить то эту Юлю, да ещё и при Антонине?

Но Тоня, видимо, оказалась гораздо деликатнее меня и тактичнее. Раз в сто примерно. Она поставила кружку в раковину и, прошептав «Увидимся», вышла и прикрыла за собой дверь кухни. И, чёрт его знает почему, но меня больше волновало, чтобы не обиделась Антонина, тогда как на назойливого абонента было совершенно наплевать.

– Юля, послушай. Мы весело провели время, только мне повторные встречи не интересны. Это понятно? Спасибо и пока! Не звони, пожалуйста, больше, ладно?

На том конце провода раздалось что-то похожее на пренебрежительный фырк, а я с досадой бросил трубку на диван. Отмотать бы на пять минут назад. Я бы вовсе не брал этот вызов, а сидел бы в компании женщины, которая стала мне очень симпатична.

Почти весь следующий день я потратил на подготовку сделки Ольховских. Уточнил время встречи в банке, перезвонил нотариусу, подготовил нужные документы. Попутно решал мелкие рабочие вопросы. В добавок телефон офиса просто раскалился – всем ни с того ни с сего понадобилось пообщаться. Регина куда-то подевалась, и я безумно злился, потому что по идее это была её обязанность, пусть и негласная, – отвечать на звонки.

Ну и, конечно, сама будущая хозяйка – Мария Дмитриевна – затерроризировала меня звонками. Мы обсудили время встречи, но этого женщине показалось мало. Она перезвонила через пять минут, чтобы узнать, впустят ли в банк с кошкой:

– Зачем вам кошка, Мария Дмитриевна?

– Ну как же, Василий Петрович, – искренне изумилась она. – Мы же после покупки квартиры должны первой пустить её в дом!

После этого я отключил телефон и решил, что заслужил чашку кофе. На кухне не было на этот раз привычного свёртка с пирогом. Стало немного грустно, я уже успел привыкнуть. Принялся заправлять зерном кофе-машину, шуршать по шкафам в поисках съестного, а сам думал в это время о Тоне. Её сегодня не видно. Может, она на сделке, а может, на показе квартиры. Захотелось оправдаться перед ней за так глупо прервавшуюся вчера беседу. Вот уж не думал, что стану таким сентиментальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.